

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л.В. Лобанова

**ПРЕСТУПНЫЕ НАРУШЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ
СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА**

Волгоград 2004

УДК 343.36
ББК 67.99(2Рос)811.18
Л68

Рецензенты:

канд. юрид. наук, доц. каф. уголовного права ВолГУ
Н.А. Соловьева;
канд. юрид. наук, судья Тракторозаводского р-на
г. Волгограда *С.А. Гордейчик*

Печатается по решению ученого совета
юридического факультета университета
(протокол № 7 от 05.04 2004 г.)

Лобанова Л.В.

Л68 Преступные нарушения обязательности судебного приговора: Учеб. пособие / ВолГУ. — Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2004. — 72 с.

ISBN 5-85534-911-X

В учебном пособии дается подробная характеристика преступлений, нарушающих обязательность судебного приговора (ст. ст. 313, 314, ч. 2 ст. 312 УК РФ), раскрываются их объективные и субъективные признаки.

Рекомендуется для студентов юридических вузов и факультетов, а также работникам правоохранительных органов.

ББК 67.99(2Рос)811.18

ISBN 5-85534-911-X

© Л.В. Лобанова, 2004
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. ПОБЕГ ИЗ МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ	6
§ 1. Объективные признаки основного состава побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи	6
§ 2. Субъективные признаки основного состава побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи	21
§ 3. Квалифицированные виды преступления, предусмотренного стаей 313 УК РФ	26
Глава II. УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	33
Глава III. НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА, ПОДЛЕЖАЩЕГО КОНФИСКАЦИИ	47
ПРИМЕЧАНИЯ	56
ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ	68

ВВЕДЕНИЕ

Становление в России правового государства невозможно без эффективного функционирования сильной и независимой судебной власти, непременным атрибутом которой является всеобщая обязательность принимаемых судом решений. Последняя может рассматриваться и в качестве неотъемлемого свойства правосудия, служащего гарантом прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ). Не случайно государство стремится создать необходимые гарантии обеспечения обязательности процессуальных актов, в том числе устанавливая уголовную ответственность за наиболее опасные формы нарушения таковой.

Именно в этих целях сконструированы ст. ст. 312—315 УК РФ. Часть из закрепленных этими статьями норм направлена в основном на защиту обязательности наиболее важного итогового документа уголовного процесса — судебного приговора (ч. 2 ст. 312, ст. ст. 313, 314 УК РФ). На них и хотелось бы обратить внимание в настоящей работе. Дело в том, что многие из признаков соответствующих составов преступлений носят бланкетный характер, требуют учета положений законодательства об исполнительном производстве. К тому же при изучении последних правоприменитель нередко сталкивается с несогласованностью различных нормативных актов, в частности с противоречиями между УК РФ и УИК РФ. Это не может не вызывать затруднений при квалификации преступных нарушений обязательности судебного приговора.

К тому же содержание всех названных норм в силу недавних изменений уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства существенно преобразилось и потому нуждается в творческом осмыслении.

Мы надеемся, что подготовленное нами учебное пособие поможет будущим юристам в уяснении истинного смысла уголовно-правовых запретов, содержащихся в ст. ст. 313, 314 и ч. 2 статьи 312 УК РФ. Полагаем, что оно может оказаться полезным и для уже состоявшегося правоприменителя.

При написании работы мы постарались учесть наработки в этой области других ученых: Е.Р. Абдрахмановой, Д.Б. Бектибаева, Е.В. Болдырева, Э.Т. Борисова, М.А. Гараниной, М.Р. Гарифутдинова, А.А. Гравиной, А.И. Друзина, В.И. Егорова, В.А. Елеонского, М.А. Ефимова, А.И. Зубкова, В.Д. Иванова, Ю.И. Кулешова, Л.Г. Крахмальника, К.В. Мазняка, О.В. Мазура, В.П. Малкова, Ш.С. Рашковской, А.В. Симохина, В.К. Сауляка, П.В. Тепляшина, А.И. Чучаева, А.В. Шеслера.

ГЛАВА I

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи

§ 1. Объективные признаки основного состава побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи

Решение задачи применения уголовного наказания в соответствии с уголовным законом в некоторых случаях напрямую зависит от самого осужденного. В первую очередь это касается тех видов уголовного наказания, реализация которых невозможна без выполнения содержащихся в приговоре требований непосредственно осужденным. Законодателем учтен этот момент применительно к таким видам уголовного наказания, как лишение свободы и арест¹ при регламентации ограничений, направленных на предупреждение различных форм уклонения от отбывания этих видов наказания.

Одним из таких ограничений являются положения ст. 313 УК РФ. Часть 1 названной статьи гласит: «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении, — наказывается...»

Ознакомление с приведенным текстом позволяет заключить, что данная статья, помимо указанного выше, имеет и иное назначение. Она также преследует цель предупредить уклонение обвиняемого и подозреваемого от выполнения обязанностей, вытекающих из содержания примененных к ним мер процессуального принуждения, связанных с лишением их свободы². Вряд ли поэтому верно сводить объект предусмотренного ст. 313 УК РФ

преступления к общественному отношению, складывающемуся между государством и лицом, совершившим преступление, по поводу уголовной ответственности, как это делает М.Р. Гарафудинов³. В то же время неточно утверждать, что «объектом данного преступления является нормальная деятельность учреждений, ведающих исполнением наказания в виде лишения свободы, а также органов суда и следствия»⁴. Такое определение объекта побега слишком широко, не учитывает специфики данного посягательства, не позволяет выделить последнее среди других преступлений против правосудия и отличить от преступных деяний против порядка управления⁵.

Думается, что, несмотря на сложный характер состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, объект его может быть определен и в обобщенном виде. Его составляют общественные отношения, обеспечивающие обязательность процессуальных актов в части подчинения субъекта предписанной данными актами мере принуждения, связанной с лишением свободы.

Среди этих отношений можно выделить, по крайней мере, две их группы:

- 1) общественные отношения, обеспечивающие обязательность процессуальных, точнее сказать, судебных актов в части отбывания осужденным таких видов уголовного наказания, как арест⁶, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы;
- 2) общественные отношения, обеспечивающие обязательность для обвиняемых и подозреваемых в совершении преступления процессуальных актов, посредством которых к данным лицам применены принудительные превентивные меры, связанные с лишением свободы.

Признавая важной уголовно-правовую защиту этих отношений, мы должны, вместе с тем, обратить внимание на то, что российское уголовное законодательство не всегда ее обеспечивало. Так, Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г. ответственность за аналогичный состав преступления была исключена из УК РСФСР 1922 года. В объяснительной записке к проекту изменений данная отмена была мотивирована тем, что побег невозможен, если места лишения свободы соответствуют своему назначению, и что кара за побег фактически была бы карой за плохое состояние мест лишения свободы и слабый надзор тюремной стражи⁷.

В подобных доводах немало рационального. От состояния уголовно-исполнительной системы зависит многое. Так, в 2002 г. по сравнению с 2001 г. количество побегов из мест лишения свободы сократилось на 40,1 %, а из следственных изоляторов — на 42,9 %. Такое снижение отчасти можно объяснить применением целого комплекса мер, в частности оборудованием 932 соответствующих объектов инженерно-техническими средствами охраны и надзора, поддержанием этих средств в исправном состоянии, разделением функций охраны и надзора, увеличением финансирования, сокращением численности контингента осужденных, улучшением обеспеченности последних жилой площадью (увеличением таковой с 1 м² до 3,5 м² за последние два года)⁸. Не предусматривает ответственности за побеги из мест лишения свободы и современное законодательство некоторых зарубежных стран. Например, УК Германии не содержит норм, по которым наказывалось бы не связанное с применением насилия самоосвобождение осужденного к лишению свободы, хотя другие лица, не являющиеся освобождаемыми, за освобождение заключенного подлежат ответственности в соответствии с § 120⁹.

На наш взгляд, снисходительное отношение к поведению лица, стремящегося уклониться от подчинения примененным в отношении него мерам принуждения, не может быть беспредельным. Решение нашего законодателя возвратиться к наказуемости за побег из мест отбывания наказания или из-под стражи вполне оправдано высоким уровнем общественной опасности побегов. Следует, думается, согласиться с В.П. Малковым в том, что «побеги серьезно подрывают авторитет правоохранительных органов, препятствуют нормальному осуществлению правосудия и реализации целей наказания, вызывают обоснованное беспокойство граждан, неверие их в способность государства обеспечить надежную изоляцию опасных для общества преступников, влекут за собой большие материальные затраты на розыск и задержание бежавших.

Повышенная опасность побегов таких лиц обуславливается и тем, что, бросая дерзкий вызов правоохранительной системе страны, они совершают нередко новые преступления до розыска и задержания»¹⁰. Так, в 23,52 % случаев побегов, ставших предметом рассмотрения судов Волгоградской и Ярославской областей в 1988—1998 гг., они были предпосылкой совершения новых преступле-

ний, причем в большинстве своем тяжких и особо тяжких (почти 100 % от совершения новых преступлений). Отметим также относительную распространенность анализируемых преступлений.

Так, приведенные в литературе данные показывают, что в 1997 г. побеги составляли 19,7 % от общего числа зарегистрированных преступлений против правосудия, в 1998 г. — 16,1 %, в 1999 г. — 14,8 %, а в 2000 г. — 13,4 %¹¹.

Что же касается УК Германии, то решение в нем вопросов регламентации последствий уклонения от отбывания наказания представляется непоследовательным. С одной стороны, предусматривается возможность замены лишением свободы штрафа в случаях его неисполнения (§ 43), а с другой — отрицается возможность ответственности за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы в его крайней форме — совершении побега. К тому же в УК Германии не исключено применение § 120 к заключенным, оказывающим помощь в освобождении другим заключенным. В результате затруднения в судебной практике вызывает квалификация случаев взаимной помощи заключенных друг другу при освобождении. Так, известность приобрел, в частности, казус, получивший наименование «Wannen — Fall».

Двое заключенных сообща бежали. Они осложнили преследование их надзирателями тем, что сообща поставили на пути последних ванну с бельем. BGH¹² отверг применение § 120 УК на том основании, что взаимная помощь заключенных не превысила того, что необходимо для не содержащего состава преступления собственного освобождения¹³.

С объективной стороны данное преступление характеризуется активным действием субъекта, направленным на то, чтобы соответствующие лица и органы утратили хотя бы на время возможность осуществления контроля за ним, т. е. незаконным самоосвобождением из-под такого контроля. Причем могут быть выделены следующие формы такого самоосвобождения:

- 1) незаконное оставление территории места лишения свободы как места отбывания соответствующего вида наказания;
- 2) отклонение осужденного от установленного маршрута передвижения или оставление того места, где осужденному предписано или разрешено находиться вне территории исправительного учреждения (при бесконвойном передвижении);

- 3) незаконное оставление территории места отбывания ареста;
- 4) незаконное оставление территории места предварительного заключения;
- 5) неправомерное самоосвобождение из-под стражи, если лицо находится под таковой вне территории места отбывания наказания или предварительного заключения.

Представляется, что именно незаконность оставления соответствующего места или самовольность освобождения из-под стражи отличают данный состав преступления от злостного уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы. В этой связи вряд ли можно согласиться с В. Елеонским, считавшим возможным квалифицировать деяние как побег, если умысел на уклонение от отбывания наказания возник у осужденного до выезда из ИУ и в последующем был реализован посредством получения права на краткосрочный выезд¹⁴. Если предусмотренные законом основания для выезда из места лишения свободы имелись и разрешение на него было дано, то оставление места заключения не превращается в противоправное, даже если лицо не собиралось в данное место возвращаться.

Важным в практическом отношении является выяснение понятий «место лишения свободы», «место отбывания ареста», нахождение под стражей».

Ознакомление со ст. ст. 73 и 74 УИК РФ позволяет заключить, что местом лишения свободы являются исправительные учреждения, к которым закон относит прежде всего:

- колонии-поселения;
- исправительные колонии общего, строгого и особого режима;
- воспитательные колонии общего режима для несовершеннолетних;
- тюрьмы;
- лечебные исправительные учреждения.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 74 УИК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г.), в отношении осужденных, оставленных в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в данных учреждениях с их согласия, функции исправительного учреждения выполняет следственный изолятор.

Осужденные могут быть оставлены в СИЗО по другим причинам, а именно:

- а) при необходимости участия в следственных действиях в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) (ч. 1 ст. 77¹ УИК РФ в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 года);
- б) при необходимости участия в судебном разбирательстве в качестве свидетеля, потерпевшего, обвиняемого (ч. 2 ст. 77¹ УИК РФ в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 года);
- в) если осужденный привлекается к уголовной ответственности по другому делу и в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (ст. 77² УИК РФ).

Думается, что, если побег из СИЗО совершается лицом, заключенным под стражу в качестве меры пресечения по другому делу, он не может рассматриваться в качестве побега из места лишения свободы как места отбывания наказания и должен быть отнесен к другому виду побега — побегу из места предварительного заключения (места содержания под стражей)¹⁵.

Более сложно оценить побег из следственного изолятора осужденных, оставленных в этом учреждении для участия в уголовном процессе в качестве свидетеля или потерпевшего. С одной стороны, для них содержание в следственном изоляторе не является предварительным заключением. Но с другой — с учетом положений ч. 1 ст. 74 УИК РФ, СИЗО не выполняет в отношении них функции исправительного учреждения. Думается, что между положениями указанной статьи и ст. 77¹ УИК РФ наблюдается несогласованность, которая должна быть, на наш взгляд, устранена путем внесения дополнения в ч. 1 ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса. По логике вещей такие осужденные должны признаваться отбывающими наказание.

В юридической литературе перечень мест лишения свободы определяется иногда более широко. Так, В.Н. Кудрявцев к таким местам относит, кроме того, дисциплинарную воинскую часть, помещение для отбывания ареста как меры наказания¹⁶.

Есть ли правовые основания для такого вывода? Думается, в ст. 313 УК РФ термин «место лишения свободы» упоминается отнюдь не в широком смысле этого слова, т. е. как место, в котором лицо изолируется от общества. Имеется в виду лишь

место, где отбывается наказание в виде лишения свободы. Не случайно законодатель особо выделил такую форму данного преступления, как побег из-под ареста. В этой связи сомнение вызывает правильность отнесения к местам лишения свободы дисциплинарной воинской части. Содержание в этом учреждении является самостоятельным видом уголовного наказания (ст. 55 УК РФ), отличным как от ареста, так и от лишения свободы. Не случайно в п. 10 «б» Постановления № 14 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2001 г. «О практике назначения судами вида исправительного учреждения» подчеркивается, что «не может рассматриваться как ранее отбывавшее наказание в виде лишения свободы... лицо, которому за совершенное преступление суд в соответствии с частью второй статьи 55 УК РФ назначил наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части»¹⁷. Квалификация по ст. 313 УК РФ побега из дисциплинарной воинской части была бы не чем иным, как применением уголовного закона по аналогии, что в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ категорически запрещено. Вместе с тем побег из дисциплинарной части не является непреступным деянием. Думается, что законодатель поэтому и не упомянул ничего о нем в ст. 313 УК РФ, что его совершение рассматривается как посягательство на иной основной объект, на установленный порядок несения воинской службы. В части 2 ст. 337 УК РФ предусматривается ответственность за самовольное оставление части или места службы продолжительностью свыше двух суток, но не свыше десяти суток, совершенное военнослужащим, отбывающим наказание в воинской дисциплинарной части. Если данное деяние продолжалось свыше одного месяца, нет никаких препятствий для применения ч. 4 ст. 337 УК РФ, санкция которой содержит наказание до пяти лет лишения свободы, поскольку, отбывая наказание в дисциплинарной части, субъект продолжает рассматриваться в качестве проходящего военную службу по контракту или по призыву. В случае, если подобные действия совершены с целью уклонения от воинской службы деяние может квалифицироваться как дезертирство (ст. 338 УК РФ).

Незаконное оставление места лишения свободы не следует сводить к случаям оставления территории соответствующего учреждения. Нельзя упускать из виду, что отбывающие лишение свободы могут на законных основаниях оказаться вне данной

территории без сопровождения конвоя. К составу преступления, предусмотренному ст. 313 УК РФ, имеют отношение лишь ситуации, не связанные с выездом за пределы административно-территориального образования, в котором дислоцируется исправительное учреждение.

В первую очередь это касается осужденных, которые отбывают наказание в колонии-поселении. С разрешения администрации исправительного учреждения такие лица могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения, но в пределах территории соответствующего административно-территориального образования, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением (п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ). Кроме того, этим категориям лиц в порядке меры поощрения может быть предоставлена возможность провести выходные и праздничные дни за пределами колонии-поселения (ст. 113 УИК РФ).

Разрешение на передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения может быть дано также положительно характеризующимся осужденным, отбывающим лишение свободы в исправительных и воспитательных колониях, а также осужденным, оставленным для ведения работ по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах и тюрьмах, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы (ч. 1 ст. 96 УИК РФ). При этом им может быть предоставлено право проживания в общежитии за пределами исправительного учреждения, но в границах, установленных администрацией исправительного учреждения по согласованию с органами местного самоуправления (ч. 4 ст. 96 УИК РФ). Разрешение на проживание и работу за пределами исправительного учреждения, но под надзором его администрации может быть также, согласно ч. 3 ст. 121 УИК РФ, выдано осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях, и за шесть месяцев до окончания срока наказания освобожденным из-под стражи в целях успешной социальной адаптации (ч. 3 ст. 121 УИК РФ).

Наконец, возможность передвижения без сопровождения может быть связана с осуществлением права на длительное свидание, сопряженное с совместным проживанием с близкими за пределами исправительного учреждения. Место и порядок проведения такого свидания определяется начальником исправительного учреждения (ч. 1 ст. 89 УИК РФ).

При подобных условиях побег выражается в незаконном оставлении находящегося за пределами исправительного учреждения места, где осужденному предписано или разрешено находиться, либо в отклонении от установленного маршрута передвижения. Из этого, видимо, исходит судебная практика.

Так, важным для квалификации действий С. по ч. 1 ст. 188 УК РСФСР Урюпинский районный суд Волгоградской области признал то, что С. уклонился от установленного маршрута бесконвойного передвижения (ИТУ, шиток хозяйственного двора, прилегающая территория)¹⁸.

А Волгоградский областной суд, оценивая по ч. 1 ст. 188 УК РСФСР действия Ж., отбывавшего наказание в местах лишения свободы и пользовавшегося правом передвижения без охраны, обратил внимание на то, что при проверке на рабочем месте — Ж. обнаружен не был¹⁹.

Нахождение под арестом, по смыслу ст. 313 УК РФ²⁰ есть нахождение в местах отбывания наказания в виде ареста²¹. Для большинства осужденных таким местом являются арестные дома по месту осуждения (ч. 1 ст. 68 УИК РФ). Военнослужащие отбывают арест на гауптвахте (ч. 3 ст. 54 УК РФ, ст. 149 УИК РФ).

В литературе высказано мнение, что самовольное незаконное оставление гауптвахты не образует состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, поскольку гауптвахта не относится к числу исправительных учреждений. При этом обращается также внимание на то, что при определенных обстоятельствах подобные действия могут быть квалифицированы по ч. 2 или ч. 3 ст. 337 либо по ч. 1 ст. 338 УК²². Вряд ли приведенные доводы можно считать убедительными. Отбывание наказания в виде ареста ни уголовное, ни уголовно-исполнительное законодательство не связывает с пребыванием в исправительном учреждении (ч. 1 ст. 54 УК РФ, ст. 68 УИК РФ). К последним, по смыслу закона, не относятся, кстати сказать, и арестные дома (ст. 74 УИК РФ). Применение же ст. 337 и 338 УК РФ к военнослужащим, покинувшим гауптвахту, может оказаться проблематичным. Во-первых, преступным самовольное оставление части или места службы признается лишь тогда, когда имеет продолжительность свыше двух суток (ч. 1 ст. 337) или имеет целью уклонение от прохождения военной службы (ч. 1 ст. 338). Во-вторых, субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 337 УК РФ,

является только военнотружаший, проходящий военную службу по призыву. Для военнотружашего, проходящего военную службу по контракту, преступное оставление части или места службы должно иметь продолжительность свыше десяти суток. На наш взгляд, наказуемость побега из-под ареста, кем бы он ни был совершен, обычным лицом или военнотружашим, не должна ставиться в зависимость от продолжительности отсутствия гражданина в соответствующем месте. К тому же нельзя упускать из виду, что при оставлении гауптвахты (места отбывания ареста) виновный далеко не всегда стремится уклониться от прохождения службы.

Нахождение под стражей есть такое состояние несвободы гражданина, которое обеспечивается специально уполномоченными на то лицами, осуществляющими за заключенными под стражу надзор, их охрану и препятствующими их общению без специального на то разрешения с лицами, находящимися на воле. В русском языке слово «стражить», или «сторожить», означает «беречь, стеречь, караулить, охранять», а происшедшее от него слово «страж» служит для обозначения караульщика, безотлучного надсмотрщика, блюстителя, надзирателя, часового. То же значение придается собирательному понятию «стража»²³. Интересно, что в своем решении № 51 в 1871 г. по делу Попа правительствующий Сенат указал, что слово «стража», употребленное в ст. 311 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, не предполагает непременно наличие нескольких конвойных, но эти постановления могут быть применены и в том случае, когда освободившиеся арестанты находились под надзором одного лица²⁴.

Побег из-под стражи нередко проявляется как незаконное оставление места содержания под стражей. Перечень таких мест определен Федеральным законом от 21 июня 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Таковыми признаются:

- следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации;
- следственные изоляторы органов Федеральной службы безопасности;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых Пограничных войск Российской Федерации (ч. 1 статьи 7)²⁵.

В некоторых случаях допускается содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы и на гауптвахтах (ч. 2 статьи 7)²⁶. Однако понятие «побег из-под стражи» законодатель не связывает с оставлением какого-либо конкретного места. Здесь главным является самовольное освобождение гражданина из-под контроля лиц, обязанных осуществлять за ним надзор и его охрану. Такое самоосвобождение может быть, в частности, осуществлено при конвоировании (этапировании) лица, при нахождении в зале суда, в месте производства следственного или иного процессуального действия. Следует отметить, что для квалификации действий беглеца, в какой бы форме ни совершался побег, не имеет значения, должным ли образом выполнялась уполномоченными лицами соответствующая обязанность.

Так, по ч. 1 ст. 313 УК РФ обоснованно был осужден П., который совершил преступление при следующих обстоятельствах. 11 ноября 1996 г. П. был доставлен для производства следственных действий из СИЗО № 1 Волгоградской области в ИВС УВД г. Волгограда. Воспользовавшись отсутствием наблюдения за ним сотрудников милиции, охраняющих ИВС, П. открыл окно кабинета, в котором содержался, проник через оконную решетку, спрыгнул со второго этажа здания на козырек подвального помещения, перелез через изгородь, находящуюся вокруг здания ИВС и скрылся. Впоследствии был задержан сотрудниками милиции²⁷.

Побег из места лишения свободы, из-под стражи относится к числу преступлений, момент юридического окончания которого не совпадает с моментом его фактического завершения. Моментом юридического окончания преступления, т. е. временем, с которого указанное деяние должно квалифицироваться как оконченное, рассматривается момент оставления соответствующего места или выхода из-под контроля соответствующих уполномоченных лиц. Оставление же соответствующего места констатируется не ранее того, когда лицо миновало его территорию, преодолело последнее заградительное сооружение или иной элемент охраны.

Так, постановлением президиума Пензенского областного суда от 24 апреля 1992 г. признано необоснованным осуждение по ч. 2 ст. 188 УК РСФСР за побег лишения свободы Подшивалова.

Президиум исходил из того, что судом не опровергнуты доводы подсудимого о том, что он с целью побега вместе с другими осужденными, применив насилие к работникам ИТУ, выбежал из камеры, преодолел несколько заграждений и был задержан возле последнего на территории учреждения. При таких обстоятельствах действия Подшивалова следует квалифицировать по ст. 15 и ч. 2 ст. 188 УК РФ как покушение на побег из-под стражи, соединенный с насилием над стражей²⁸.

Затруднения на практике обычно вызывает определение момента окончания побегов осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения и находящихся за пределами колонии на законных основаниях. По данному вопросу мы считаем верной рекомендацию А.В. Шеслера и А.В. Симохина, предлагающих считать побег в подобных ситуациях окончанным с момента выхода осужденного за пределы маршрута передвижения²⁹.

Думается, что для всех случаев побега будет верным, что это преступление следует считать окончанным, когда субъект преодолел фактическую или воображаемую линию контроля (охраны) и у него появилась реальная возможность распоряжения собой, утраченная в связи с лишением свободы. Если такой возможности у лица не появилось, содеянное вряд ли может рассматриваться как оконченное преступление.

В этом отношении примечателен следующий пример.

Ч. за совершение ряда преступлений был заключен под стражу в качестве меры пресечения. 5 июля 1991 г. после допроса в кабинете следственной части УВД Ярославской области он конвоировался следователем. Проходя мимо поста № 3, Ч. внезапно через дверь выбежал на улицу Некрасова и побежал по направлению к центру города. Однако, пробежав около 50 метров, Ч. был задержан преследовавшими его работниками милиции.

Органами следствия данные действия Ч. были квалифицированы по ч. 1 ст. 188 УК РСФСР. Ярославский областной суд признал квалификацию действий Ч. неправильной, так как преступление не было доведено до конца, и произвел оценку содеянного по ст. 15 и ч. 1 ст. 188 УК РСФСР³⁰.

С тех же позиций были оценены действия Ю. Волгоградским областным судом. Ю. на законных основаниях был заключен под стражу. 13 июля 1988 г. органы следствия по одному из эпизодов предъявленного ему обвинения проводили проверку показаний Ю. на месте — на ул. Сологубова г. Волгограда. Туда обвиняемый был доставлен под конвоем в микроавтобусе.

Воспользовавшись отсутствием за ним наблюдения, Ю. сумел снять с себя наручники и вылез через окно автомашины на улицу и попытался убежать, однако на расстоянии 20 метров от автомашины был задержан работниками милиции. Наряду с другими преступлениями, Ю. осужден по ст. 15 и ч. 1 ст. 188 УК РСФСР³¹.

С момента юридического окончания преступления не может быть и речи о добровольном отказе от преступления.

П. за совершение кражи был привлечен в качестве обвиняемого, и в качестве меры пресечения в отношении него было избрано заключение под стражей. 29 июня 1989 г. П. был доставлен из СИЗО в линейный отдел внутренних дел на ст. Ярославль-Главный. По окончании следственных действий следователь Г. вывела П. из здания и повела его к машине, на которой П. должен был отправиться в СИЗО. Воспользовавшись тем, что кроме следователя других работников милиции не было, П. сбежал из-под стражи, но затем на следующий день вечером добровольно возвратился в милицию. Ярославский областной суд квалифицировал указанные действия по ч. 1 ст. 188 УК РСФСР³².

Как и все иные длящиеся преступления, побег из мест лишения свободы фактически завершается «вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления или наступления событий, препятствующих совершению преступления»³³ (например, вмешательство органов власти).

В литературе высказывалась мысль о том, что данное преступление не следует относить к длящимся³⁴. Основанием подобных выводов обычно является то, что побег чаще всего начинается с активных действий, а затем продолжается в форме бездействия. Действительно, этим побег из мест лишения свободы (а также и некоторые другие посягательства) отличается от иных длящихся преступлений, но от этого он своего длящегося характера не утрачивает. Подобный характер длящегося преступления приобретает постольку, поскольку непрерывно или периодичес-

ки продолжается причинение вреда определенному объекту уголовно-правовой охраны. Прав, на наш взгляд, Э.Т. Борисов, подчеркивающий, что интересы правосудия, нарушенные побегом, продолжают нарушаться последующим уклонением от отбывания наказания, следствия или суда, и, следовательно, посягательство на объект преступления фактом побега не заканчивается³⁵. Именно потому, что побег из мест лишения свободы по замыслу законодателя является длящимся преступлением и охватывает собой последующее уклонение от отбывания наказания, можно объяснить тот факт, что такой самостоятельный вид преступления, как уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 314 УК РФ), имеет отношение лишь к осужденным, которые вне места лишения свободы оказались на законном основании.

Длящийся характер побегов признавался и дореволюционными российскими учеными, критически оценивавшими сложившуюся по этому вопросу практику высшей судебной инстанции³⁶.

Как ошибочную подобную практику оценивал, например, Е. Хладовский. Автор отмечал, что взгляд, высказанный Сенатом, будучи основан на неверном определении понятия длящихся преступлений, противоречит свойству и характеру этих деяний, и писал, что «длящееся преступление представляет именно отличительную и характерную особенность, что раз вполне и бесповоротно совершившись, оно затем, по своей природе, только продолжается все время неоднократно и непрерывно, повторяется виновным и, благодаря этому... образует как бы *преступное состояние*, сознательно и намеренно поддерживаемое виновным... То же самое мы видим и во всех случаях преступного и уголовно-наказуемого побега: и здесь... побег считается совершившимся в то самое время, когда виновному удастся самовольно отлучиться из-под стражи, с места ссылки и т. д.; но до тех пор, пока виновный находится в бегах, он продолжает пребывать в том преступном состоянии, которое им создано раз совершенным фактом недозволенного побега, и тем самым продолжает непрерывно и постоянно осуществлять дальнейшие действия этого преступного факта»³⁷.

В связи с длящимся характером побега возникает вопрос, как должны оцениваться действия других лиц, направленные на оказание помощи сбежавшим в сокрытии от правоохранитель-

ных органов. Ведь такая помощь оказывается в то время, когда основное преступление хотя и окончено юридически, но фактически еще не завершено. Можно ли действия указанных лиц оценивать как пособничество в совершении побега или налицо обычное укрывательство, и если речь идет об укрывательстве, то носит ли оно наказуемый характер?

Представляется верным высказанное В. Черновым мнение о том, соучастие в совершение побега из места заключения или из-под стражи возможно лишь до момента его юридического окончания. Всякое оказание помощи виновному после побега, например предоставление убежища, снабжение поддельными документами, продуктами питания, деньгами, должно квалифицироваться как укрывательство³⁸. По своей сущности это деяние направлено на то, чтобы скрыть преступника, с тем чтобы он избежал назначенного ему наказания³⁹. Подобное же посягательство как соучастие в преступлении может, как известно, расцениваться лишь при условии, если оно было заранее обещано. Но в рассматриваемом случае указанного условия нет.

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи не относится к числу особо тяжких преступлений. Однако это не значит, что действия, направленные на оказание помощи уклоняющемуся от наказания преступнику, во всех ситуациях будут ненаказуемы. На наш взгляд, наказуемость деяния в данном случае будет определяться характером и степенью общественной опасности того преступления, за которое сбежавший был подвергнут лишению свободы.

В судебной практике вопрос о наказуемости укрывательства преступника, сбежавшего из-под стражи или из места лишения свободы, решался, однако, иногда с других позиций, в результате чего уголовные дела прекращались, хотя для этого в действительности и не было оснований.

Так, в обоснование решения о прекращении уголовного преследования в отношении Ж., заподозренной в укрывательстве ее сына, отбывавшего наказание в виде лишения свободы за преступления, предусмотренные ст. 145 и ч. 2 ст. 148 УК РСФСР, и совершившего побег, следственные органы сослались на то, что уголовным законом не предусмотрено ответственности за укрывательство преступления, предусмотренного ст. 188 УК РСФСР⁴⁰.

Ошибка в данном случае, на наш взгляд, заключалась в том, что не было учтено оказание помощи в уклонении от отбывания наказания преступнику, признанному виновным в квалифицированном грабеже, укрывательство которого в момент вынесения постановления преследовалось по ч. 1 ст. 189 УК РСФСР.

**§ 2. Субъективные признаки
основного состава побега
из места лишения свободы, из-под ареста
или из-под стражи**

В качестве субъектов предусмотренного ст. 313 УК РФ преступления законодатель называет две категории граждан:

- 1) лица, отбывающие наказание;
- 2) лица, находящиеся в предварительном заключении.

Под первой категорией лиц понимаются граждане, реально отбывающие наказание в виде лишения свободы либо ареста. Круг таких не ограничивается осужденными к лишению свободы по обвинительному приговору суда. Отбывание наказания в виде лишения свободы возможно также:

- а) в результате замены смертной казни пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет в порядке помилования (ч. 3 ст. 59 УК РФ);
- б) если арестом либо лишением свободы заменено на основании постановления судьи другое, более мягкое наказание (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 3 ст. 50, ч. 4 ст. 53 УК РФ в ред. 2003 года).

В этой связи вряд ли точным следует считать утверждение Ю.И. Кулешова, по мнению которого, субъект побега — это «вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, в отношении которого имеется вступивший в законную силу приговор, где в качестве меры наказания определено лишение свободы на определенный срок или пожизненное лишение свободы либо арест»⁴¹.

Понятие предварительное заключение охватывает собой все формы законного содержания под стражей до вступления приговора в законную силу, а именно:

- содержание под стражей обвиняемых и подозреваемых в порядке меры пресечения (ст. 108 УПК РФ);

- содержание под стражей подозреваемого или обвиняемого, задержанного в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ст. 91 УПК РФ, ч. 3 ст. 210 УПК РФ в ред. 2003 года)⁴².

Однако в литературе высказано и отличное от нашего суждение, касающееся толкования вышеназванного понятия. Некоторые ученые не считают возможным признавать лицом, находящимся в предварительном заключении, задержанного⁴³. По-разному подходят к этой проблеме и практические работники. При опросе судей, прокуроров, следователей и адвокатов нами был задан вопрос: «Может ли задержанный в процессуальном порядке быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК». Положительно на этот вопрос ответили 67,21 % опрошенных, отрицательно — 18 %. 14,79 % респондентов затруднились в ответе. По данным А.И. Друзина, проводившего соответствующий опрос среди сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы Ульяновской области, среди этой категории работников также не наблюдается полного единодушия в этом вопросе. На него ответило утвердительно 89 %, отрицательно — 5 % и не смогли определить свою позицию — 6,2 %⁴⁴.

При изучении уголовных дел нам встретился лишь случай непризнания задержанного субъектом побега из мест заключения.

Заключенный под стражу обвиняемый А. и осужденный к лишению свободы за кражу П. путем разбора кирпичной кладки стены камеры, а затем и стены здания совершили побег из ИВС Даниловского РОВД Ярославской области и впоследствии были осуждены по ч. 1 ст. 188 УК РСФСР. Вместе с ними из камеры вышел М., задержанный за бродяжничество. Следователем в отношении М. уголовное дело было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления⁴⁵.

Думается, что понятие «предварительное заключение» является более широким, чем понятие «содержание под стражей в качестве меры пресечения». Оно охватывает все формы содержания под стражей до вступления приговора в законную силу и лишь в этом смысле понимается как предварительное. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова слово «заключение» обозначает, в частности, «состояние того, кто лишен свободы»⁴⁶, а прилагательному «предварительный» придается значение: 1) предшеству-

ющего чему-нибудь; 2) неокончательного, такого, после которого последует что-нибудь ⁴⁷.

Ранее термин «предварительное заключение» употреблялся в ст. 47 УК РСФСР, именуемой «Зачет предварительного заключения». Судебная практика последовательно относила ко времени предварительного заключения и время задержания лица в соответствии со ст. 122 УПК. В ст. 72 УК понятие «предварительное заключение» не употребляется. Зачету в срок лишения свободы подлежит, согласно данной статье, время содержания под стражей...» В соответствии же с Федеральным законом РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 21 июня 1995 г. термин «содержание под стражей» имеет отношение также и к задержанным в соответствии с процессуальным законодательством (ст. 5) ⁴⁸. Наконец, действующее уголовно-процессуальное законодательство обязывает суд в резолютивной части приговора обсудить вопрос о зачете времени предварительного содержания под стражей в том случае, если подсудимый до постановления приговора был задержан (п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ).

Подчеркнем также, что ст. 15 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 г. «О милиции» допускает применение оружия «для пресечения побега из-под стражи лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления», точно так же, как и для предотвращения побега лиц, в отношении которых мерой пресечения избрано заключение под стражу, и лиц, осужденных к лишению свободы (п. 6 ч. 1 Закона) ⁴⁹. Это лишний раз указывает на то, что побег задержанного из-под стражи рассматривается законом как преступление.

Думается, что нет сколько-нибудь веских аргументов, чтобы исключить задержанного из числа субъектов преступления, предусмотренного ст. 313 УК ⁵⁰. Однако во избежание разногласий следовало бы в законе понятие «находящийся в предварительном заключении» расшифровать, для чего сопроводить упомянутую статью примечанием. В последнем необходимо разъяснить: «Под лицом, находящимся в предварительном заключении, в настоящей статье понимаются обвиняемые и подозреваемые, заключенные под стражу в порядке меры пресечения, а равно задержанные в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством» ⁵¹.

Свойства субъекта преступления в литературе предлагается учитывать при дифференциации ответственности за побег. Нельзя, например, не обратить внимания на предложение ученых о целесообразности конструирования самостоятельных составов: побега из мест лишения свободы и побега лица, находящегося в предварительном заключении. Аргументируя вывод о том, что санкция первого состава должна быть выше, чем второго, Е.В. Болдырев и Л.Г. Крахмальник, в частности, отмечают, что во втором случае субъектом является лицо, еще не признанное преступником, а для первого субъекта побег — это уже как минимум второе преступление⁵². О необходимости различать в законодательном порядке данные разновидности побегов говорит, на наш взгляд, и то, что различна сама природа мер, которым было подвергнуто лицо, совершившее побег, и что даже соблюдение всех требований закона при применении процессуального принуждения не есть панацея, от него могут пострадать невинные граждане⁵³. Своеобразным образом различие между разными категориями лиц, лишенных на законных основаниях свободы, проводилось дореволюционным российским законодательством, чему придавалось особое значение и на практике.

Так, в решении по делу Киселева (71/1723) сенат высказался следующим образом: «Говоря в ст. 312 о побеге заключенных, закон отличает арестантов подследственных и судимых от арестантов, содержащихся во исполнение последовавших о них приговоров. Для лиц последней категории закон предлагает продолжение пойманному беглецу срока заключения таким образом, что он отсидивает со дня поимки полный срок, назначенный ему по судебному приговору, как это явствует из слов закона: "...время заключения его считается уже со дня доставления его снова на место заключения"»⁵⁴.

Из смысла употребленных в законе терминов вытекает, что преступление, предусмотренное ст. 313 УК РФ, является умышленным деянием. Содержанием умысла виновного охватываются факты преодоления реальной или воображаемой линии охраны, незаконности подобных действий, а также факт нахождения в особом правовом положении отбывающего наказание и находящегося в предварительном заключении. Как нам представляется, умысел в данном составе преступления носит специализированный характер, хотя в законе прямо не названа цель самоосво-

бождения осужденного или заключенного под стражу. Ближайшая цель беглеца вытекает из самой сути побега. Она предопределена спецификой основного объекта данного преступления и заключается в уклонении от отбывания наказания или от исполнения обязанностей, вытекающих из содержания примененной к нему меры процессуального принуждения. В цитируемом выше произведении Е. Хладовский справедливо, на наш взгляд, замечал, что целью подобных побегу длящихся преступлений «служит не достижение какой-либо временной, единичной выгоды, а предоставление себе возможности пользоваться противозаконными выгодами совершенного преступления или не принадлежащими виновному правами и положениями постоянно и непрерывно, в течение известного определенного или неопределенного периода времени»⁵⁵.

Другое дело, что цель самого уклонения может быть различной и для квалификации значения не имеет. То же следует сказать и о времени уклонения.

В решении вопроса о том, присуща ли побегу специальная цель, в судебной практике наблюдается разнობой.

Так, по делу Комарова и Распопова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР прямо указала, что «побег заключенного из исправительно-трудовой колонии, независимо от цели, образует состав преступления, предусмотренный ст. 188 УК РСФСР»⁵⁶.

В определении по делу Володина отсутствие намерения лица уклониться от отбывания наказания рассматривается той же коллегией в качестве критерия для признания деяния мало-значительным⁵⁷.

А отменяя приговор в отношении М., осужденного по ч. 1 ст. 188 УК РСФСР, коллегия подчеркнула, что по смыслу ст. 188 УК РСФСР побег из места лишения свободы может совершаться только с прямым умыслом с целью уклонения от отбывания наказания⁵⁸.

Приведенная последней позиция Верховного Суда РФ нам представляется правильной. Только она, на наш взгляд, учитывает специфику побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи как посягательства против правосудия.

Наказание по ч. 1 ст. 313 УК РФ предусмотрено в виде лишения свободы на срок до трех лет.

§ 3. Квалифицированные виды преступления , предусмотренного статьей 313 УК РФ

Изменения, внесенные в Уголовный кодекс Федеральным законом от 8 декабря 2003 г., коснулись и квалифицирующих признаков анализируемого состава преступления. Можно утверждать, что при новой редакции ст. 313 УК РФ усилена дифференциация ответственности за побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Это выразилось в переводе в разряд особо квалифицированного состава побега, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 3), а также отнесении деяния, предусмотренного ч. 2 рассматриваемой статьи, к преступлениям средней тяжести, тогда как из предыдущей редакции ст. 313 следовало, что побег, совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, является тяжким преступлением (ч. 3 и 4 ст. 15 УК РФ).

В части 2 ст. 313 УК РФ содержится теперь один квалифицирующий признак. Диспозиция данной части статьи сформулирована следующим образом: «То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой».

Определение понятий «совершение преступления по предварительному сговору группой лиц» и «совершение преступления организованной группой» дается в ст. 35 УК РФ. Безусловно, оно может быть использовано и для уяснения содержания квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 313 УК РФ. В юридической литературе, однако, поднимался вопрос: «Может ли совершающая побег группа состоять не только из заключенных, но и из иных лиц?» Иногда на этот вопрос отвечают положительно⁵⁹. Такое мнение нам представляется ошибочным. В ч. 2 ст. 313 УК РФ говорится об отягощенном квалифицирующими признаками том же деянии, а не о новом преступлении. Следовательно, квалифицированные виды побега должны, прежде всего, обладать всеми признаками основного состава, в том числе участвующие в этом преступлении лица должны быть наделены признаками специального субъекта, т. е. в качестве членов группы должны рассматриваться лишь лица, отбывающие наказание либо находящиеся в предварительном заключении.

Действия иных лиц в соответствии с указаниями в ч. 3 и 4 ст. 34 УК РФ должны оцениваться лишь как соучастие в преступлении со ссылкой на ст. 33 Кодекса.

Для квалификации действий соучастников побега как преступления, совершенного по предварительному сговору группой лиц, требуется также, чтобы каждый из них выполнял объективную сторону данного состава преступления полностью или частично. В этом мы солидарны с А.В. Шеслером и А.В. Самохиным⁶⁰. Поскольку в основном составе преступления в рамки объективной стороны укладывается только незаконный самовольный выход за пределы реальной или воображаемой линии охраны, то лишь совершение действий, направленных на это, дает основание признавать соучастника членом группы. Интересный пример из практики Верховного Суда РФ приводит Ю.И. Кулешов:

Свердловским областным судом Н. и С. были осуждены за ряд преступлений, в том числе и за побег по предварительному сговору группой лиц. Изменяя приговор, высшая судебная инстанция признала излишним указание на групповой характер преступления, поскольку Н. один совершил побег из-под стражи, а С. только оказал ему в этом содействие, передав аэрозольное средство для применения его в отношении охраны при совершении побега, и бежать сам не намеревался⁶¹.

Из приведенного примера видно, что Верховный Суд РФ важным для признания побега, совершенным по предварительному сговору группой лиц, считает наличие умысла на оставление места лишения свободы (преодоление линии охраны), по крайней мере, у двух лиц.

Признание побега групповым невозможно без установления признака согласованности действий соучастников, которая означает объединение усилий соответствующих субъектов в достижении цели покинуть место лишения свободы либо преодолеть линию охраны. Причем подобная согласованность должна быть укреплена предварительной договоренностью о совместном совершении побега. Она, во-первых, должна касаться «основных юридически значимых признаков замышляемого преступления»⁶². Если соучастники договариваются только о совместной деятельности после совершения побега, вряд ли последний может быть признан групповым. Важно также, чтобы договоренность была достигнута до начала выполнения действий, направленных на

самоосвобождение лиц, отбывающих наказание или находящихся в предварительном заключении.

Предварительный стговор на совершение преступления свидетельствует о наличии у виновных взаимной осведомленности о совместности совершаемого преступления, что является обязательным для любого группового преступления. «В групповом посягательстве, — подчеркивает Р.Р. Галиакбаров, — общественно опасные действия субъектов всегда внутренне согласованы двусторонней связью»⁶³.

Из положений ч. 3 ст. 35 УК РФ вытекает, что совершение побега организованной группой предполагает, чтобы совершающие побег лица заранее объединились с целью совершения одного или нескольких преступлений в устойчивую группу.

При этом объединение усилий непосредственно для совершения действий, направленных на самоосвобождение, также обязательно.

Совершение побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи по предварительному стговору группой лиц или организованной группой представляет собой единое преступление. Поэтому вопрос о моменте окончания преступного посягательства должен решаться единообразно применительно ко всем его соучастникам. Думается, что для признания деяния оконченным необходимо, чтобы цели самоосвобождения достигли все члены группы. Ведь именно для этого они объединяли свои усилия. Соответственно, если одному из входящих в группу субъектов не удалось преодолеть линию охраны, содеянное должно квалифицироваться как покушение на совершение группового побега для всех исполнителей данного посягательства.

Как уже было упомянуто, уголовная ответственность повышается, если побег совершен с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 3 ст. 313 УК РФ). Отнесение названных признаков к особо квалифицирующим вполне закономерно, поскольку такие посягательства связаны с причинением вреда (угрозой причинения вреда) другим объектам уголовно-правовой охраны — здоровью личности, личной безопасности, телесной и психической неприкосновенности человека. Оправданно и «соседство» данных признаков в одной части ст. 313

УК РФ, не содержащей теперь деления на пункты. Ведь в реальной жизни соответствующие обстоятельства нередко сочетаются друг с другом.

Наконец, следует обратить внимание на типичность совершения побега, носящего насильственный характер. Так, по данным А.И. Друзина, насилие имело место в 5 % случаев совершения анализируемого преступления⁶⁴. Нередки и случаи применения при этом оружия или предметов, используемых в качестве такового.

Ш. отбывал наказание в одном из исправительных учреждений Волгоградской области. 31 мая 1996 года он предварительно договорился с осужденным У. совершить побег, убить при этом конвоира и завладеть его оружием. 2 июня 1996 г. Ш. и У. под конвоем сержантов внутренней службы А. и Б. вывели с территории колонии на охраняемую зону питомника служебного собаководства для производства работ. Оставшись в вагончике одни с конвоиром А., Ш. и У. напали на него. При этом У. обхватил сзади конвоира, приставил нож к горлу, а Ш. стал выхватывать автомат. Поскольку А. оказал сопротивление и ему на помощь бежал Б., Ш. имевшимся у него ножом с целью завладения оружием и совершения побега нанес А. удар в левую половину груди, от чего тот скончался на месте. Завладев автоматом, Ш. и У. выбежали из вагончика. Однако прибежавший Б. после предупредительных выстрелов ранил нападавших. От полученных ранений У. 26 июля 1996 г. скончался, и дело в отношении него прекращено. Ш. осужден Волгоградским областным судом по совокупности п. «в», «е», «н» ст. 102 УК РСФСР, ст. 15 и п. «б», «в», «г» ч. 2 ст. 188 УК РСФСР и ст. 218¹ УК РСФСР, а также за ряд других совершенных им преступлений⁶⁵.

Содержание признака «применение насилия, опасного для жизни и здоровья, а равно угрозы применения такого насилия» аналогично содержанию этого понятия в других составах преступления. Специфику следует, на наш взгляд, искать в назначении насилия или угрозы, а также круге лиц, к которым оно применяется. Насилие (угроза) есть средство преодоления препятствий на пути к оставлению места лишения свободы, ареста или избавления от стражи, и применяться оно может ко всем, кто препятствует или может воспрепятствовать побегу, в том числе и к другим осужденным либо лицам, находящимся в предварительном

заклучении. Судя по санкции ч. 2 ст. 313 УК РФ, за пределами данного состава преступления находится не только убийство, но и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Требуется дополнительная квалификация и в том случае, когда побег сопряжен с захватом заложников, ибо обычный побег не затрагивает основ общественной безопасности и не имеет целей, присущих преступлению, предусмотренному ст. 206 УК РФ.

Статьей 313 УК РФ полностью не охватывается содеянное и тогда, когда в качестве способа побега избирается нападение на сотрудников места лишения свободы или содержания под стражей либо их близких, поскольку в подобных случаях еще и дезорганизуется деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Такого рода побег должен квалифицироваться по совокупности с ч. 2 (3) ст. 321 УК РФ.

Понятие «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия» также употребляется при описании квалифицирующих признаков других составов преступлений.

Поскольку законодатель в ч. 3 ст. 313 не связывает наличия квалифицирующего признака с каким-то определенным видом оружия, под последнее понятие, видимо, подпадают все виды оружия, называемые Федеральным законом от 13 ноября 1996 г. (с изм. и доп. от 31 июля 1998 г. и от 8 декабря 2003 года)⁶⁶. Согласно этому нормативному акту, оружием признаются устройства или предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. К таковым отнесено огнестрельное, холодное и газовое оружие.

Содержание понятия «применение оружия» не должно, на наш взгляд, выходить за рамки сознательного использования поражающих свойств оружия, именно в этом смысле данное понятие раскрывается в некоторых законодательных актах. Так, в упомянутом выше Законе РСФСР «О милиции» термин «применение оружия» наполнен именно таким смыслом и отличается по содержанию от терминов «использование оружия» и «обнажение оружия» (ч. 1 и ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 16)⁶⁷. Вряд ли прав А.И. Чучаев, утверждая, что «данный признак охватывает и угрозу применения оружия для оказания психологического воздействия на представителей охраны, администрации мест лишения свободы, ареста или предварительного заключения и иных лиц с целью подавления их воли»⁶⁸. Следует, думается, согласиться с О.В. Мазуром,

который применительно к ст. 188 УК РСФСР писал, что при совершении побега оружие может использоваться для оказания психического насилия над любыми лицами, препятствующих побегу, с целью облегчения его совершения. Хотя во многих случаях оружие выступает в собственном смысле этого слова, однако при квалификации п. «в» ч. 2 ст. 188 неприменим, поскольку отсутствует признак использования оружия, т. е. нет применения или попыток применения оружия по назначению и не создается реальная угроза для жизни и здоровья любых других лиц⁶⁹.

Надо полагать, в подобных случаях будет иметь место другой особо квалифицирующий признак анализируемого преступления — *совершение последнего с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья*. Весьма полезным для подобного заключения мы считаем рекомендацию, данную Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 23 Постановления от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Если лицо демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т. п., — говорится здесь, — не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни и здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью первой статьи 162 УК РФ, либо как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия»⁷⁰. Из формулировки Постановления вытекает, что применительно к разбою простая демонстрация оружия не может рассматриваться как его применение, однако позволяет действия, направленные на завладение имуществом, расценивать как разбой, ибо по своей сути является угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья. Приведенная рекомендация, думается, может быть учтена и при квалификации побегов. По своему содержанию признаки «применение насилия, опасного для жизни и здоровья, либо угроза применения такого насилия», «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия» имеют несомненное сходство, хотя цель применения насилия или указанных предметов в составах преступлений, предусмотренных ст. ст. 162

и 313 УК РФ, различна. Точно так же может быть для толкования понятия «предметы, используемые в качестве оружия» применительно к побегу востребована рекомендация, данная в абз. 2 п. 23 упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

«Под предметами, используемыми в качестве оружия, — разъясняет Пленум, — следует понимать предметы, которыми потерпевшему могли быть причинены телесные повреждения, опасные для жизни или здоровья (перочинный или кухонный нож, бритва, ломик, дубинка, топор, ракетница и т. п.), а также предметы, предназначенные для временного поражения цели (например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми и раздражающими веществами)»⁷¹.

В литературе встречается более узкое понятие содержания термина «предметы, используемые в качестве оружия». «Исходя из законодательного понятия оружия, — пишет, например, В. Корма, — можно выделить два его основных признака: конструктивное устройство и целевое назначение. Отсутствие же этих признаков... ведет к научной несостоятельности определений предметов, используемых в качестве оружия»⁷².

По нашему мнению, приведенное суждение ошибочно. Законодатель потому и ввел новый термин, что он по своему содержанию отличается от понятия «оружие», хотя и имеет с последним общие черты. Предметы, используемые в качестве оружия, также обладают поражающими свойствами. Но у этих предметов есть и другие более существенные качества, в связи с чем они имеют иное назначение и иначе конструктивно устроены. В то же время использование свойств данных предметов для поражения живой цели столь же опасно, что и применение оружия, оно чревато теми же последствиями и также облегчает реализацию умысла виновных лиц.

ГЛАВА II

Уклонение от отбывания лишения свободы

Статья 314 УК РФ устанавливает ответственность за «невозвращение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы либо которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, по истечении срока выезда или отсрочки». Содержание приведенной статьи, ее наименование, а также место в системе Особенной части позволяет, на наш взгляд, определить основной объект предусмотренного здесь преступления как общественные отношения, обеспечивающие обязательность судебного акта в части отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы. Считать таким объектом нормальную деятельность органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы⁷³, либо «нормальное функционирование исправительно-трудовых учреждений»⁷⁴, либо «нормальную деятельность исправительно-трудового учреждения по обеспечению исполнения наказания в виде лишения свободы»⁷⁵, думается, не совсем правильно, поскольку названные отношения находятся в плоскости родового объекта преступлений, включенных в гл. 32 УК РФ. Сказанное не означает, что подобным отношениям не причиняется вреда преступлением, предусмотренным ст. 314 УК РФ. Напротив, такой вред неизбежен. Во-первых, при уклонении осужденного от отбывания наказания в виде лишения свободы компетентные органы лишены возможности осуществлять возложенные на них полномочия по исполнению уголовного наказания. Во-вторых, подобные деяния осужденных вынуждают администрацию исправительных учреждений перестрахо-

вываться в предоставлении отбывающим наказание таких льгот, как право на выезд, что может вызвать недовольство среди соответствующего контингента, породить недоверие к работникам уголовно-исполнительной системы ⁷⁶. В-третьих, совершение данного преступления чревато отвлечением сотрудников названной системы (и не только их одних) на поиски лиц, уклоняющихся от отбывания наказания ⁷⁷.

Однако в анализируемом составе преступления нормальная деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы всего лишь дополнительный объект.

Таким образом, если кратко охарактеризовать преступление, предусмотренное в ст. 314 УК РФ, с сущностно-содержательной стороны, то можно увидеть в нем два аспекта. Первый заключается в том, что субъект не выполняет вытекающую из судебного акта обязанность отбыть уголовное наказание в виде лишения свободы. А второй предполагает, что лицо при этом злоупотребляет оказанным ему доверием со стороны органа, назначившего ему наказание либо исполняющего его, выразившемся в предоставлении данному лицу права на выезд из мест лишения свободы, отсрочки отбывания наказания или отсрочки исполнения приговора.

В связи со сказанным к признакам объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, следует отнести не только деяние, но и обстановку его совершения.

Деяние в данном составе преступления выражается только в форме бездействия. Текст закона позволяет увидеть лишь одну, на наш взгляд, разновидность бездействия — невозвращение в места лишения свободы в определенный срок, хотя в литературе обычно пишут о двух ⁷⁸, а то и трех ⁷⁹ относительно самостоятельных деяниях при уклонении от отбывания лишения свободы. Думается, что альтернативность признаков состава преступления, анализируемого нами, имеет отношение больше к характеристике обстановки его совершения, а также к свойствам субъектов. А вот совершаемые последними деяния, судя по формулировке ст. 314 УК РФ, мало чем отличаются друг от друга.

Во всех случаях речь должна идти о невыполнении лицом обязанности вернуться в определенный срок в исправительное учреждение при условии, если имеется реальная возможность выполнить эту обязанность. Указанная обязанность является со-

ставной частью правового статуса осужденного, которому назначено наказание в виде лишения свободы и в соответствии с законом предоставлены правовые льготы, а именно возможность временно не находиться в исправительном учреждении.

Предоставление подобных льгот осужденному является признаком, характеризующим обстановку уклонения от отбывания лишения свободы, с незаконным или самовольным оставлением исправительного учреждения данное преступление не связано.

Основания и порядок предоставления осужденному права на выезд из мест лишения свободы определены уголовно-исполнительным законодательством. УИК РФ различает краткосрочные и длительные выезды.

Краткосрочные выезды разрешаются продолжительностью до семи суток, не считая времени нахождения в пути, во-первых, в связи с исключительными личными обстоятельствами (смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье), во-вторых, для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства осужденного после освобождения (п. «а» ч. 1 ст. 97 УИК РФ); а также продолжительностью до пятнадцати суток женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний⁸⁰, для устройства детей у родственников или в детском доме и женщинам, имеющих несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии для свидания с ними (ч. 2 ст. 97 УИК РФ).

Длительные выезды разрешаются на время ежегодного оплачиваемого отпуска или на срок, равный времени ежегодного оплачиваемого отпуска. Во втором случае речь идет об осужденных мужчинах старше 60 лет и осужденных женщинах старше 55 лет, осужденных, являющихся инвалидами первой или второй группы, а также несовершеннолетних либо об осужденных, не обеспеченных работой по не зависящим от них причинам (п. «б» ч. 1 ст. 97, ч. 2 ст. 103 УИК РФ).

Важно, кроме того, заметить, что краткосрочные и длительные выезды могут быть разрешены лишь осужденным к лишению свободы, содержащимся в исправительных колониях, а также осужденным, оставленным в установленном порядке в

следственных изоляторах и тюрьмах для ведения работ по хозяйственному обслуживанию (ч. 1 ст. 97 УИК РФ). Кроме того, закон не допускает выездов по приведенным выше основаниям осужденных при особо опасном рецидиве преступлений; осужденных, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы; осужденных к пожизненному лишению свободы; осужденных, больных открытой формой туберкулеза; осужденных, не прошедших полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании; ВИЧ-инфицированных осужденных, а также в случаях проведения противоэпидемических мероприятий (ч. 3 ст. 97 УИК РФ). Согласно ч. 4 ст. 97, «осужденным, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, осужденным, являющимся инвалидами первой или второй группы и нуждающимся по состоянию здоровья в постороннем уходе, а также несовершеннолетним осужденным выезд за пределы исправительного учреждения разрешается в сопровождении родственника или иного сопровождающего лица».

В УИК РФ установлено, что разрешение на выезд за пределы исправительного учреждения дается начальником последнего с учетом характера совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения осужденного (ч. 6 ст. 97 УИК РФ).

Важное значение для профилактики уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы имеет предупреждение осужденного администрацией исправительного учреждения об ответственности за невозвращение в установленный срок. Однако, несмотря на важность подобного профилактического действия, мы не считаем верным утверждение, что отсутствие такого предупреждения исключает уголовную ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы⁸¹. Законодатель подобного условия для установления основания уголовной ответственности по ст. 314 УК РФ не предьявляет. Следовательно, здесь действует общее правило о презумпции знания закона, вытекающее из содержания конституционных положений (ст. 15 Конституции РФ) и заключающееся в предположении, что «надлежащим образом опубликованный закон известен всем и с момента вступления в силу подлежит соблюдению всеми»⁸². Как справедливо замечено в литературе со ссылкой на ст. 9 УК РФ, «анализ текста статей УК подтверждает, что в них

нет указания на основание опровержения рассматриваемого положения. Следовательно, можно сделать вывод о том, что презумпция знания закона косвенно закреплена в уголовном законе и неопровержима»⁸³.

Невыполнение осужденным обязанности возвратиться в исправительное учреждение по окончании срока, на которое выдано разрешение, лишь тогда свидетельствует о совершении им анализируемого преступления, когда не было обстоятельств, являющихся труднопреодолимым препятствием для выполнения подобной обязанности. Следовательно, если неявка в исправительное учреждение была следствием уважительных причин (болезнь осужденного, перебои в работе транспорта, стихийное бедствие и т. п.), уголовная ответственность по ст. 314 УК РФ исключается. Важно, однако, обратить внимание на установленный уголовно-исполнительным законодательством порядок продления срока возвращения в исправительное учреждение в случае возникновения непредвиденных обстоятельств. Такое продление осуществляется начальником органа внутренних дел по месту пребывания осужденного на срок до пяти суток с обязательным срочным уведомлением об этом администрации исправительного учреждения (ч. 9 ст. 97 УИК РФ). Думается, что отсутствие соответствующей отметки начальника органа внутренних дел не адекватно отсутствию уважительных причин для неявки. Непредвиденные обстоятельства могут оказаться такими, что помешают соблюдению установленного законом порядка продления пребывания осужденного вне исправительного учреждения. Вряд ли поэтому следует признать точным суждение Ю.И. Кулешова о том, что «невозвращение осужденного в исправительное учреждение в установленный срок без уважительных причин означает, что на момент истечения срока, дающего право на выезд за пределы исправительного учреждения, осужденный к месту отбывания лишения свободы не прибыл и нет уведомления со стороны начальника органа внутренних дел по месту его пребывания о возникновении непредвиденных обстоятельств»⁸⁴.

Вопрос о признании причин своевременной неявки уважительными должен решать суд с учетом всех фактических обстоятельств дела. Во внимание должны быть, в частности, приняты характер и значимость интересов, во имя которых задерживается явка в исправительное учреждение, необходимость присутствия

осужденного в соответствующем месте, возможность устранения возникшего препятствия в данный момент и т. д.

Так, на наш взгляд, правильно поступил Урюпинский районный суд Волгоградской области, квалифицировав по ст. 314 УК РФ содеянное О. и не найдя уважительными причины неявки в исправительное учреждение, в котором он отбывал наказание. 21 января 1997 г. О. воспользовался разрешением на выезд, которое ему было выдано в связи с предоставленным отпуском до 5 февраля 1997 года. В установленный срок О. в исправительное учреждение не вернулся. 7 февраля 1997 г. он был задержан в поселке Загорянском Шелковского района Московской области. Свою неявку в места лишения свободы О. объяснил тем, что поссорился с женой из-за денежных средств и не мог возвратиться⁸⁵.

Возможность отсрочки реального отбывания наказания прямо предусмотрена в ст. 82 УК РФ. Такая отсрочка предоставляется осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Из содержания ч. 3 ст. 82 УК РФ вытекает, что отсрочка отбывания наказания может быть осуществлена как в отношении женщины, которая еще не отбывает реального наказания в виде лишения свободы, так и в отношении осужденной, которая уже находится в исправительном учреждении. Однако в обоих случаях решение об отсрочке принимает суд⁸⁶, постановивший приговор (ч. 1 ст. 396 УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, ч. 1 ст. 399 УПК РФ, ч. 1 ст. 177 УИК РФ). Соответствующий вопрос суд решает по ходатайству осужденной (ч. 1 ст. 399 УПК РФ).

Решение о направлении осужденной, которой отбывание наказания было отсрочено, также принимается в судебном порядке — судом по месту жительства осужденной (ч. 4 ст. 396 УПК РФ). Такое решение принимается при отмене отсрочки по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 82 УК РФ. Согласно данной статье, «в случае, если осужденная... отказалась от ребенка или продолжает уклоняться от воспитания ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденной, в отношении которой отбывание наказа-

ния отсрочено, суд может по представлению этого органа отменить отсрочку отбывания наказания и направить осужденную для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда»⁸⁷.

Буквальное толкование ст. 314 УК РФ заставляет предположить, что в указанной статье речь не идет о невозвращении в исправительное учреждение осужденной, в отношении которой отсрочка была отменена, поскольку в законе значится «невозвращение... по истечении срока отсрочки». Такую избирательность вряд ли можно объяснить чем-то иным, нежели недостатками законодательной техники. Если уж устанавливать уголовную ответственность за невозвращение в исправительное учреждение лиц, которым была предоставлена отсрочка отбывания наказания, то это необходимо делать в отношении всех, кто подлежал такому возвращению и уклонился от выполнения соответствующей обязанности, не имея на то уважительных причин. Из содержания действующей редакции ч. 3 ст. 82 УК РФ вытекает, что на осужденной, которой отбывание наказания было отсрочено до достижения ребенком возраста четырнадцати лет, не лежит обязанность возвратиться в исправительное учреждение по окончании срока отсрочки. По истечении этого срока суд может принять одно из двух решений:

- 1) освободить осужденную от наказания или оставшейся части наказания;
- 2) заменить оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

Полномочий для принятия решения о направлении осужденной в места лишения свободы по окончании срока отсрочки у суда теперь нет. Зато такие полномочия имеются у данного органа в том случае, когда наличествуют основания для отмены отсрочки. Но проблематичность применения ст. 314 УК РФ в отношении осужденной, уклоняющейся от отбывания лишения свободы, в последней ситуации связана не только с названным выше недостатком законодательной техники. Дело в том, что исполнение предписания, содержащегося в постановлении судьи о направлении осужденной в места лишения свободы, обеспечено принудительно, так как, согласно ч. 1 ст. 76 УИК, «осужденные к лишению свободы направляются к месту отбывания наказания и перемещаются из одного места отбывания наказания в

другое под конвоем». Самостоятельно осужденная, которой была предоставлена отсрочка, следует лишь к месту жительства (ч. 5 ст. 177 УИК РФ). Обязанность самостоятельного возвращения осужденной в места лишения свободы УИК не предусматривает. При таких обстоятельствах уклониться от отбывания наказания женщина может, лишь совершив более тяжкое преступление — побег из-под стражи (ст. 313 УК РФ)⁸⁸.

В то же время нельзя упускать из виду еще один возможный способ уклонения от отбывания лишения свободы осужденной, которой была предоставлена отсрочка данного вида, — сокрытие от официальных органов (суда и органов, на которые возложена обязанность обеспечить исполнение наказания)⁸⁹. По уровню своей общественной опасности подобное деяние несколько, думается, не уступает невозвращению в места лишения свободы лица, которому была предоставлена возможность выезда. Однако оно обладает иными признаками объективной стороны, чем те, которые изложены в диспозиции ст. 314 УК РФ. На такое поведение осужденной названная статья не рассчитана.

Таким же способом, а не путем невозвращения в исправительное учреждение, может уклониться от отбывания лишения свободы осужденный, которому была предоставлена отсрочка исполнения приговора. Таковая возможна на основании ст. 398 УПК РФ. Названная статья, помимо рассмотренного выше основания применения отсрочки (п. 2 ч. 1), указывает еще на два обстоятельства, обосновывающих осуществление данной меры:

- 1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания (п. 1 ч. 1);
- 2) тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами (п. 3 ч. 1).

При наличии первого из названных обстоятельств отсрочка предоставляется до выздоровления осужденного, а при наличии второго — на срок, установленный судом, но не более 6 месяцев.

По смыслу закона оба эти вида отсрочки исполнения приговора осуществляются в отношении лиц, еще не содержащихся в исправительном учреждении. Видимо, поэтому данные меры и не

упомянуты в УИК РФ. Соответственно ни о каком возвращении в места лишения свободы в подобном случае и речи быть не может. Разумеется, нет и обязанности возвратиться в исправительное учреждение у осужденного, исполнение приговора в отношении которого отсрочено, раз он в этом учреждении не находился.

На основании изложенного может быть сделан следующий вывод. Признаки, характеризующие деяние в составе преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, а также условия, в которых совершается посягательство, с одной стороны, и признаки, которыми закон наделяет субъекта данного посягательства, не в полной мере соответствуют друг другу. Итогом несоответствия является то, что ст. 314 УК РФ реально применима только к случаям невозвращения без уважительных причин в исправительное учреждение осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы по окончании срока, на который разрешен выезд.

Не случайно, видимо, при изучении архивных уголовных дел, рассмотренных судами Волгоградской области (1997—2000 гг.) ни одного случая применения ст. 314 УК РФ в отношении осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания или отсрочка исполнения приговора, нам не встретилось. Да и в известных нам работах, посвященных уклонению от отбывания лишения свободы, о таких фактах не упоминается.

С учетом сказанного мы считаем бесперспективным пытаться раскрывать признаки объективной и субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, применительно ко всем упомянутым в этой статье субъектам. На наш взгляд, дальнейшее описание этих признаков применительно к лицам, которым была предоставлена отсрочка того или иного вида, было бы введением в заблуждение правоприменителя, подталкиванием последнего к аналогии уголовного закона.

Думается, что реальная возможность привлечения к уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания таких лиц может появиться лишь при внесении корректив в уголовное законодательство. Причем не следует, с нашей точки зрения, стараться регламентировать основания подобной ответственности в существующей части ст. 314 УК РФ. Соккрытие осужденного от официальных органов приобретает черты не просто уклонения от отбывания лишения свободы, а противодействия

исполнению этого вида наказания. По своей сути оно является воспрепятствованием исполнению судебного акта и могло бы квалифицироваться по ст. 315 УК РФ, если бы была обеспечена должная дифференциация в определении свойств субъектов последнего преступления посредством отделения друг от друга составов неисполнения судебного акта и воспрепятствования его исполнению.

Возможно и другое решение проблемы, заключающееся в конструировании самостоятельного состава преступления и закреплении соответствующей нормы в отдельной части ст. 314 или даже в отдельной статье УК РФ. На наш взгляд, создавая подобную конструкцию, необходимо учесть потребность в предупреждении уклонения от реального отбывания наказания также лиц, в отношении которых отменяется условное осуждение (ч. 3 ст. 74 УК РФ) или условно-досрочное освобождение от наказания (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ), либо лишением свободы заменяется другое наказание (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 4 ст. 53 УК РФ). Соккрытие от официальных органов названных категорий граждан столь же реально. Один из вариантов формулировки положения закона в этом случае мог бы выглядеть следующим образом: «Воспрепятствование исполнению уголовного наказания, совершенное лицом, подлежащим направлению в места лишения свободы в связи с отменой отсрочки отбывания наказания, условного осуждения или условно-досрочного освобождения от наказания, либо по окончании срока отсрочки исполнения приговора, а равно при замене лишением свободы более мягкого вида наказания, — наказывается...».

Следует, однако, заметить, что выбор подобного варианта для решения рассматриваемой нами проблемы, коль скоро речь идет о конструировании специального состава, должен быть подготовлен широкомасштабными криминологическими исследованиями, в ходе которых предстоит выяснить уровень распространенности фактов сокрытия от официальных органов осужденных, в отношении которых применялась отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания, условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания или замена лишением свободы более мягкого вида наказания.

Возвращаясь к анализу признаков состава преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, заметим, что данный состав

по конструкции является формальным. Поскольку формой выполнения здесь выступает бездействие, постольку уклонение от отбывания лишения свободы следует признавать окончанным с того момента, когда истекли сроки для выполнения действия, образующего содержание обязанности, невыполнение которой составляет сущность данного посягательства. Целесообразно поэтому согласиться с разделяемым многими учеными мнением, согласно которому анализируемое деяние следует признавать окончанным, если осужденный не явился в исправительное учреждение до окончания срока, установленного для возвращения⁹⁰.

Иная позиция, заключающаяся в предложении считать уклонение от отбывания лишения свободы окончанным посягательством с момента неявки осужденного в орган внутренних дел для регистрации в день убытия к месту отбывания наказания⁹¹, думается, не учитывает сущности рассматриваемого деяния. Ведь вряд ли можно говорить о совершенном преступлении, если лицо своевременно возвратилось в исправительное учреждение, а в орган внутренних дел для регистрации убытия из мест пребывания не явилось. Столь же абсурдно, думается, было бы считать посягательство неоконченным, если осужденный прошел необходимую регистрацию в органах внутренних дел, а в исправительное учреждение вернулся с опозданием.

В литературе верно обращается внимание на длежащийся характер рассматриваемого преступления⁹². Для обоснования правильности такого суждения, думается, уместны те же критерии, что приведены применительно к составу побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.

Продолжение уклонения от отбывания лишения свободы может быть прекращено как в силу вмешательства органов власти, так и по инициативе самого лица.

Думается, что правы ученые, размышляющие о целесообразности предусмотреть в уголовном законе нормы, поощряющие такую инициативу виновного. Так, В. Коломеец не без оснований удивляется тому, что из статей проектов УК о составах преступлений, связанных с розыском субъектов, исчезли Примечания об освобождении от уголовной ответственности лиц, добровольно вернувшихся в соответствующие места⁹³. Ведь такое позитивное посткриминальное поведение осужденного возвращает утраченную было возможность реализации судебного акта в

части назначенного наказания, в результате значительно снижается степень общественной опасности и преступления, и лица, его совершившего. Разумеется, поощрение добровольно вернувшегося в места лишения свободы не должно применяться к лицам, совершившим за время уклонения от отбывания наказания новое преступление. Не следует его применять и к лицам, совершившим побег, предусмотренный в ч. 3 ст. 313 УК РФ.

В то же время заметим, что некоторые ученые одобрили позицию законодателя, не воспринявшего указанное выше предложение. При этом обращалось внимание на специфику субъектов соответствующих преступлений, уже осужденных, как минимум, за одно преступление. Отмечалось также, что реализация данного предложения в законе могла вызвать чувство безнаказанности⁹⁴. Нам представляется, что приводимые автором доводы могут быть опровергнуты. Во-первых, если бы специфика субъектов соответствующих преступлений не учитывалась учеными, ратующими за создание соответствующих поощрительных норм, то вряд ли бы вообще было выдвинуто подобное предложение. Не будь препятствия в виде имеющейся судимости, можно было бы ставить вопрос о применении к добровольно явившемуся осужденному общих оснований освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75 УК РФ). Во-вторых, беспочвенны и опасения относительно возникновения у осужденных чувства безнаказанности, коль скоро его добровольная, хотя и запоздавшая явка в исправительное учреждение облегчает реальное применение к нему наказания. Предупредить же в дальнейшем аналогичные деяния осужденного, думается, возможно с помощью средств уголовно-исполнительного права.

Выше уже немало было сказано о субъекте уклонения от отбывания лишения свободы. Как было выяснено, систематическое толкование ст. 314 УК РФ позволяет считать таким субъектом лишь лицо, осужденное к лишению свободы, которому был разрешен выезд за пределы места лишения свободы. С учетом общих признаков лица, подлежащего уголовной ответственности, свойства субъекта преступления, предусмотренного анализируемой статьей, могут быть охарактеризованы следующим образом:

- 1) физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет;
- 2) осужденное к лишению свободы;

- 3) реально отбывавшее это наказание;
- 4) получившее разрешение на выезд из мест лишения свободы на законных основаниях и воспользовавшееся этим разрешением;
- 5) своевременно не вернувшееся в исправительное учреждение, не имея на то уважительных причин.

Указание закона на второй из перечисленных признаков представляется излишним. Ведь, как уже было замечено ранее, отбывание наказания в виде лишения свободы возможно не только осужденными к этому виду наказания, но и лицами, осужденными к другим видам наказания в порядке замены их лишением свободы. Правом выезда из исправительных учреждений эти осужденные также пользуются. Сказанное позволяет нам согласиться с критикой в этой части положений ст. 314 УК РФ, предпринятой А.И. Друзиным. «Понять логику законодателя в этом случае, — справедливо пишет автор, — достаточно сложно, поскольку фактически одинаковые деяния, направленные на уклонение от отбывания наказания, оцениваются диаметрально противоположно, оказываются на разных точках континуума: от преступного до непроступного»⁹⁵.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, предполагает умышленную форму вины. При его совершении субъект осознает, что нарушает лежащую на нем обязанность возвратиться в исправительное учреждение в установленный срок, что у него имеется реальная возможность эту обязанность выполнить и что тем самым он уклоняется от отбывания наказания в виде лишения свободы и желает нарушить указанную обязанность. Можно, думается, предположить, что предусмотренное ст. 314 УК РФ бездействие имеет, как и побег, специальную цель — уклониться от реального отбывания лишения свободы. В то же время вряд ли правильно утверждать, что в данном составе преступления целью является уклонение от всего срока лишения свободы, как это делают Ш. Рашковская и Т. Воробьева⁹⁶. Этот вывод противоречит высказанному теми же авторами суждению о том, что общественная опасность этого преступления заключается в том, что «оно препятствует целям исправления и перевоспитания осужденных, *нарушает непрерывность отбывания наказания как неперенное условие достижения этих целей*»⁹⁷ (выделено нами. — Л. Л.).

Уклонение от отбывания лишения свободы следует отличать от преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ. В связи с этим необходимо определить критерии, позволяющие данные деяния разграничить. Различия касаются признаков всех элементов состава преступления.

Уклонение от отбывания лишения свободы основным объектом имеет более узкий круг общественных отношений, нарушая обязательность только судебных актов в части применения лишь одного вида наказания — лишения свободы на определенный срок. Побег же посягает на общественные отношения, обеспечивающие обязательность процессуальных (а не только судебных) актов в части подчинения субъекта примененной в отношении него мере принуждения, связанной с лишением свободы (а не только определенного вида наказания). По форме совершаемого деяния побег относится к активной форме поведения (действию). Избранный лицом способ уклонения от отбывания наказания или подчинения иной мере принуждения предполагает незаконное или самовольное самоосвобождение. При совершении преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, лицо получает возможность покинуть исправительное учреждение на законных основаниях и в установленном порядке. Соответственно различен и момент юридического окончания посягательства. В первом случае он связан с появлением реальной возможности распоряжаться собой, а во втором — с истечением срока для выполнения обязанности вернуться в исправительное учреждение. Различным образом определен круг субъектов преступления. Применительно к побегу он расширен за счет, во-первых, отбывающих наказание в виде ареста; во-вторых, за счет лиц, находящихся в предварительном заключении; в-третьих, за счет граждан, отбывающих лишение свободы в порядке замены им другого наказания⁹⁸.

Различие во всех названных признаках предопределяет и разницу в содержании умысла виновного при совершении сравниваемых преступлений.

ГЛАВА III

Незаконные действия в отношении имущества, подлежащего конфискации

Часть 2 статьи 312 УК РФ предусматривает ответственность за сокрытие или присвоение имущества, подлежащего конфискации по приговору суда, а равно иное уклонение от исполнения вступившего в законную силу приговора суда о назначении конфискации имущества.

В связи с утратой силы ст. 52 УК РФ («Конфискация имущества») диспозиция анализируемой статьи не претерпела редакционных изменений, однако значительно изменилось назначение выраженных здесь запретов. Часть 2 ст. 312 УК РФ больше не призвана обеспечить исполнение такого вида наказания, как конфискация имущества, поскольку он исключен из перечня наказаний. Однако в уголовном процессе сохранился институт так называемой специальной конфискации имущества. Из-за наличия последних, как было замечено в литературе, и сохранена неизменной диспозиция ч. 2 ст. 312 УК РФ⁹⁹.

Термин «**конфискация**» имеет латинское происхождение. Глагол «*confiscare*» означает «отбирать имущество в казну». В современной интерпретации *конфисковать* — значит «*принудительно изымать деньги, имущество, землю, какие-либо ценности в собственность государства*»¹⁰⁰. С обращением принудительного и безвозмездного изъятия имущества в собственность государства связывают понятие «конфискация» в российской юридической науке¹⁰¹.

С учетом положений уголовно-процессуального закона могут быть принудительно и безвозмездно изъяты с обращением в собственность государства следующие предметы:

- 1) имущество, деньги либо иные ценности, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем (п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ¹⁰²);
- 2) орудия преступления, принадлежащие обвиняемому (п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ¹⁰³);
- 3) иные предметы, представляющие ценность, признанные в соответствии с ч.ч. 1 и 2 ст. 81 вещественным доказательством, при неустановлении их законных владельцев (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ).

Нетрудно заметить, что конфискованы в уголовном процессе могут быть только предметы, признанные доказательствами по делу. В части 4 ст. 81 УПК РФ прямо подчеркнuto: «Предметы, изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами, подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты».

Основной объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ, думается, можно с учетом сказанного определить как общественные отношения, обеспечивающие обязательность судебного приговора в части применения конфискации имущества в порядке соответствующего решения вопроса о судьбе вещественных доказательств¹⁰⁴.

Поскольку собственником конфискованного имущества по вступившему в законную силу приговору суда становится государство, постольку описанные в ч. 2 ст. 312 УК РФ деяния способны причинить вред и дополнительному объекту — отношениям государственной собственности.

К числу обязательных признаков анализируемого состава преступления относится его предмет.

Думается, что у всех деяний, перечисленных в ч. 2 ст. 312 УК РФ, предмет один и тот же — имущество, в отношении которого суд во вступившем в законную силу приговоре в порядке решения вопроса о судьбе вещественных доказательств постановил обратить его в собственность государства.

Такой вывод сделан нами с учетом следующих моментов.

Во-первых, Конституция РФ запрещает безвозмездно лишать кого-либо его имущества иначе, как по решению суда (ч. 3 ст. 35).

Во-вторых, все предусмотренные в ч. 2 ст. 312 УК деяния, принимая во внимание изложенный здесь текст, могут рассматриваться в качестве способов уклонения от исполнения вступив-

шего в законную силу приговора суда о конфискации имущества, иначе законодатель не прибег бы к использованию в качестве определения местоимения «иное».

В-третьих, уголовно-процессуальный закон, определяя круг вопросов, подлежащих решению в резолютивной части обвинительного приговора (ст. ст. 308—309 УПК РФ), не предусматривает иного варианта назначения конфискации имущества, кроме как в рамках решения вопроса о вещественных доказательствах (п. 2 ч. 1 ст. 1, ст. 309 УПК РФ).

С учетом сказанного нужно отказаться от мысли, что имущество может считаться подлежащим конфискации с момента совершения преступления. Подобное мнение, нередко высказываемое при анализе ч. 2 ст. 185 УК РСФСР¹⁰⁵, с действующим законом находится в явном противоречии.

Не может быть безоговорочно принято и утверждение, что предметом данного преступления является имущество, подвергнутое описи или аресту¹⁰⁶. Дело, конечно, не в том, что конфискации подлежит также имущество, которое на момент постановления приговора не обнаружено. Такой возможности закон теперь не предоставляет¹⁰⁷.

И это, думается, вполне взвешенное решение законодателя. Ведь поисковые средства судебных приставов-исполнителей весьма примитивны и не идут ни в какое сравнение с соответствующими полномочиями следственных органов, тесно взаимодействующими с оперативно-розыскными структурами.

Как было выяснено выше, конфискуются только предметы, являющиеся вещественными доказательствами, соответственно их обнаружение обязательно. Описи таких предметов в качестве самостоятельных документов составляются не всегда. Это прямо предусмотрено лишь применительно к имуществу, полученному в результате преступных действий либо нажитому преступным путем, обнаруженному при производстве следственных действий и подвергнутому аресту (п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

В отношении данных предметов в ч. 2 ст. 72 Федерального закона «Об исполнительном производстве» (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г.) указано: «Конфискации подлежит имущество осужденного, включенное в опись»¹⁰⁸.

Описание других вещественных доказательств не связано с производством ареста. Но оно непременно осуществляется по-

средством записей в протоколах следственных действий (ч. 2 ст. 81, ч. 3 ст. 177, ч. 2 ст. 180, ч. 13 ст. 182, ч. 2 ст. 183 УПК РФ).

Можно заключить, что «имущество, подлежащее конфискации» и «имущество, подвергнутое аресту» — это перекрещивающиеся понятия. Конфискуется не все, и не только то, что подвергнуто аресту. Арестовывается также не все, и не только то, что может быть конфисковано по приговору суда.

Установление соотношения данных двух терминов не позволяет согласиться и с одним из авторов «Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации», который утверждает: «С объективной стороны преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 312 УК, характеризуется активными действиями виновного по сокрытию имущества осужденного, которое органами предварительного расследования не было арестовано...»¹⁰⁹

Законодатель охарактеризовал объективную сторону анализируемого состава преступления, указав только на признаки деяния. Казалось бы, название статьи («Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации») ориентирует на признание формой такого деяния активного поведения — действия. Однако диспозиция ч. 2 ст. 312 УК РФ скорее свидетельствует об обратном. Предусмотренное здесь преступление по своей сути является бездействием, оно есть уклонение от исполнения обязанности согласовывать свое поведение с решением о конфискации определенного имущества, содержащегося в обвинительном приговоре суда. При этом присвоение и сокрытие имущества, подлежащего конфискации по приговору суда, названы законодателем в качестве ориентира для определения способа совершения преступления. С одной стороны, перечень таких способов остается открытым. Но в то же время само по себе установление такого ориентира должно нацеливать правоприменителя на ограничительное толкование понятия «иное уклонение». На наш взгляд, подобный прием имеет то же самое назначение, что и указание в других статьях УК РФ на «злость» или «систематичность» уклонения. Думается, что в ч. 2 ст. 312 УК РФ речь идет о таком общественно опасном поведении обязанного к определенным действиям лица, которое исключает или значительно затрудняет реализацию соответствующей части обвинительного приговора суда и

тем самым мешает осуществлению своих полномочий новым собственником конфискованного имущества.

Понятие «сокрытие имущества» нередко связывается с его перемещением. Под таковым, в частности, понимают «изъятие имущества и помещение его в тайник, а равно в любое другое место, о котором неизвестно органам правосудия»¹¹⁰, «перемещение его для хранения другим лицам или в другое место с сокрытием информации об этом от суда или судебного исполнителя»¹¹¹. Подобное толкование нам представляется чрезмерно узким. Слово «сокрытие» производно от глагола «скрывать», который, в свою очередь, означает: 1) прятать, класть в крепкое сохранное место; 2) прятать от других, класть куда-то тайком, хранить, никому не казать; 3) таить, умолчать о чем-либо, не оглашать, таимничать, не обнаруживать, не выдавать¹¹².

Таким образом, под сокрытием имущества, подлежащего конфискации, следует понимать любые деяния, выражающиеся в утаивании такового от должностных лиц, которым оно должно быть предъявлено при реализации процессуальных актов. Само по себе перемещение имущества в другое место, не связанное с утаиванием его от компетентных органов, думается, не образует состава преступления.

Что же касается понятия «присвоение», то его содержание соответствует содержанию того же термина, употребленного в ст. 160 УК РФ. Препятствий для такой интерпретации, думается, теперь нет никаких. После изменения санкции ч. 1 последней статьи¹¹³ санкция за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ, оказалась более суровой как в части минимума, так и в части максимума. Она, таким образом, позволяет учесть возможное причинение вреда не одному, а двум объектам уголовно-правовой охраны.

В юридической печати приводятся различные примеры так называемого иного уклонения от исполнения вступившего в законную силу приговора суда о конфискации имущества. К таковому, в частности, относят отказ вверенного имущества судебному исполнителю для его реализации, обман судебного исполнителя относительно сохранности имущества¹¹⁴, неявку лица, у которого находится конфискованное имущество, в установленное время или место для передачи имущества судебному исполнителю для его реализации, обман судебного исполнителя по

поводу порчи или уничтожения имущества в силу стихийного бедствия или потери¹¹⁵, дарение имущества, подмена его другими вещами, воспрепятствование изъятию имущества во время исполнения приговора (отказ передать ключи и т. п.)¹¹⁶, представление ложной информации о невозможности доставки имущества, его гибели, о наличии обстоятельств, якобы затрудняющих исполнение приговора, и т. д.¹¹⁷

Нетрудно, думается, увидеть в этих примерах общее свойство, которым авторы наделяют понятие «иное уклонение от исполнения вступившего в законную силу приговора суда о конфискации имущества». Во всех случаях речь идет о воспрепятствовании деятельности судебного пристава-исполнителя. Но, на наш взгляд, такой подход необоснованно сужает сферу применения ч. 2 ст. 312 УК РФ.

Можно предположить, что слово «уклонение» происходит от глагола «уклониться». Авторы одного из словарей приписывают данному глаголу следующие значения: «1) ...отодвинуться, отклониться в сторону, чтобы избежать чего-нибудь... 2) ...отойти от прямого направления... 3) ...избегая чего-нибудь, устраниться, отказаться от чего-нибудь...»¹¹⁸.

Применительно к ст. 312 УК РФ интересующий нас термин, думается, означает неисполнение своих обязанностей всеми, кто является адресатом требований, выраженных в приговоре суда о назначении конфискации имущества.

К таким лицам с учетом содержания ст. 72 упомянутого выше Федерального закона «Об исполнительном производстве» должны быть отнесены:

- 1) судебный пристав-исполнитель;
- 2) лица, которым подлежащее конфискации имущество передано на хранение.

В обязанности судебного пристава-исполнителя входит:

- 1) немедленно по получении судебного акта о конфискации имущества, полученного в результате преступных действий либо нажитого преступным путем, копии описи имущества и копии приговора суда проверить наличие имущества, указанного в описи;
- 2) передать его на хранение, а при необходимости опломбировать и опечатать;
- 3) принять необходимые меры по сохранности имущества;

4) составить новую опись, которая затем утверждается судьей (ч. 3 ст. 72 Федерального закона «Об исполнительном производстве»¹¹⁹).

Обязанности хранителя конфискованного имущества аналогичны обязанностям лица, которому передано на ответственное хранение арестованное имущество.

Представляется, что все проявления иного уклонения от исполнения вступившего в законную силу приговора суда о назначении конфискации имущества можно разделить на две группы:

- 1) уклонение от выполнения своих обязанностей по исполнению приговора суда в соответствующей части судебного пристава-исполнителя (невнесение имущества, подлежащего конфискации, в новую опись, отказ от изъятия имущества, включенного в опись, без законных на то оснований и т. д.);
- 2) уклонение от выполнения своих обязанностей хранителя конфискованного имущества (отказ передать судебному приставу-исполнителю конфискуемое имущество, уничтожение данного имущества и т. п.).

Нелогично, думается, оставлять за рамками состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ, поведение судебного пристава-исполнителя, сознательно не выполняющего свои обязанности по исполнению приговора суда о назначении конфискации имущества. Он основная фигура в этом процессе. Сутью подобного поведения является посягательство на общественные отношения, обеспечивающие обязательность судебного акта в части применения конфискации имущества, а не просто должностное злоупотребление, которое наказывается в уголовном порядке лишь при наличии корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 1 ст. 285 УК РФ). Другое дело, что при наличии всех признаков преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, возникает вопрос о совокупности названных двух посягательств. Но ответ на данный вопрос, думается, должен быть отрицательным.

Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ, на наш взгляд, может быть охарактеризован как состав так называемого альтернативно-должностного преступления. И.Я. Козаченко и З.А. Николаева, давая рекомендации по квалификации подобных деяний, верно отмечают, что в тех случаях, когда

в законе не содержится прямого указания на возможность совершения преступления должностным лицом с использованием служебного положения, но это с очевидностью вытекает из содержания диспозиции данной нормы, предпочтение должно отдаваться альтернативно-должностному составу¹²⁰. Хотя в ч. 2 ст. 312 прямо не указывается на возможность совершения преступления должностным лицом с использованием служебного положения, но она прямо вытекает из закона, ибо, как было выяснено, обязанность исполнить приговор в части конфискации имущества прямо возложена, прежде всего, на должностное лицо — судебного пристава-исполнителя.

В реальной действительности возможны такие формы поведения граждан, которые значительно затрудняют исполнение приговора суда о конфискации имущества, но при этом не могут рассматриваться в качестве уклонения от исполнения обязанностей по исполнению, поскольку виновные в таком поведении никакими специальными обязанностями по исполнению приговора о конфискации имущества не наделены. Подобным лицом может, в частности, оказаться осужденный, создающий препятствия для деятельности судебного исполнителя или хранителя имущества. В этой связи правомерна постановка вопроса о необходимости регламентации в ч. 2 ст. 312 УК РФ ответственности не только за уклонение от исполнения приговора суда о назначении конфискации имущества, но и за воспрепятствование его исполнению, поскольку такое по уровню общественной опасности достигает уровня общественной опасности анализируемого посягательства. В частности, в плане причинения вреда объекту посягательства, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ, нет большой разницы между действиями по уничтожению конфискуемого имущества, совершаемыми лицом, которому данное имущество было передано на хранение, и уничтожением этого имущества, скажем осужденным, который хранителем имущества не был назначен.

Для данного преступления, как и для других преступных посягательств против правосудия, характерна умышленная форма вины. При этом содержанием умысла виновного должны охватываться свойства объекта и предмета преступления, фактическая сторона совершаемого деяния и его незаконный характер, собственное правовое положение виновного в отношении исполнения приговора о назначении конфискации имущества.

За преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 312 УК РФ, установлена более суровая санкция, чем за преступление, предусмотренное ч. 1 названной статьи. К тому же незаконные действия в отношении имущества, подлежащего конфискации, являются преступлением средней тяжести, тогда как деяние, совершенное в отношении имущества, подвергнутого описи либо аресту, отнесено законодателем к преступлениям небольшой тяжести (ср. санкции).

В свете сказанного отчетливо прослеживается необходимость разграничения двух посягательств, ответственность за которые регламентируется в одной статье. Благодаря ч. 1 ст. 312 УК РФ обеспечивается обязательность судебного акта о наложении ареста на имущество, а опосредованно и обязательность различных итоговых решений в части вопросов имущественных взысканий. Основным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие обязательность обвинительного приговора суда в части применения конфискации имущества в порядке решения вопроса о судьбе вещественных доказательств. Кроме того, для последнего преступления характерен дополнительный объект, причиняется вред или создается угроза причинения вреда отношениям государственной собственности.

Неадекватны и свойства предмета. Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, является только имущество, подвергнутое описи или аресту и переданное на ответственное хранение, либо денежные средства (вклады), на которые наложен арест. А для незаконных действий, предусмотренных частью второй указанной статьи, важно, чтобы именно в отношении данного имущества судом в приговоре было принято решение о его конфискации.

Различны свойства субъектов рассматриваемых преступлений. По части 1 ст. 312 УК РФ нести ответственность может лишь лицо, которому имущество было передано на ответственное хранение, либо служащий кредитной организации, а по ч. 2 — лицо, на которое возложены обязанности по исполнению приговора суда о назначении конфискации имущества.

Несколько различается и перечень деяний, входящих в объективную сторону сравниваемых преступлений. Разница в основном объясняется своеобразием субъектного состава, спецификой объекта и предмета преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Реализация наказания в виде лишения свободы охватывает два взаимосвязанных аспекта: исполнение и отбывание наказания, — правильно пишет А.И. Друзин. — Составляя единый процесс осуществления карательного воздействия на отбывающих лишение свободы, они обращены к различным субъектам уголовно-исполнительных отношений. “Исполнение” характеризует деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы... “Отбывание” обращено к осужденным...» (Друзин А.И. Воспрепятствование исполнению судебного акта. Ульяновск, 2001. С. 66). То же можно сказать и об аресте.

² По подсчетам Л.Л. Кожевникова, в 9 % случаев применения ст. 313 УК РФ судами Волгоградской области данная статья применялась к обвиняемым, заключенным под стражу в качестве меры пресечения. (См.: Кожевников Л.Л. Виды обязанностей обвиняемого, их содержание и регламентация в процессуальном законе: Препринт. Волгоград, 2003. С. 43).

³ См.: Гарафутдинов М.Р. Ответственность за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по уголовному праву Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. Казань, 1995. С. 38.

⁴ Иванов В.Д. Вопросы борьбы с посягательствами против правосудия в деятельности органов суда и следствия Казахской ССР: Учеб. пособие. Караганда, 1975. С. 31.

⁵ С этих же позиций мы критически подходим к определению объекта анализируемого преступления, которое дают Д.Б. Бектибаев и К.В. Мазняк. Первый из названных ученых признает в качестве такового «установленный судом режим, признанный необходимым для перевоспитания осужденного» (Бектибаев Д.Б. Ответственность за преступления против социалистического правосудия по УК Казахской ССР. Алма-Ата, 1962. С. 6). По мнению же второго из указанных авторов, в качестве объекта побега выступают правоотношения, возникающие между правонарушителем (арестованным, подследственным, осужденным), с одной стороны, и органами, исполняющими арест — меру пресечения в виде содержания под стражей или наказание в виде лишения свободы, — с другой. (См.: Мазняк К.В. Побег заключенных и борьба с ними. М., 1968. С. 9).

⁶ Многие ученые совершенно правильно отмечают, что арест по своей сущности является разновидностью лишения свободы. При этом делаются обоснованные ссылки на ст. 54 УК и ст. 69 УИК РФ. (См., напр.: Друзин А.И. Указ. соч. С. 67; Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Р. Сундурова. Казань, 2003. С. 423—424; и др).

⁷ Приводится по книге: Курс советского уголовного права. Т.6. М., 1971. С. 163.

⁸ Подробнее об этом см.: Деятельность пенитенциарной системы // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 77.

⁹ См.: Уголовный кодекс ФРГ: Пер. с нем. М., 2001. С. 85.

¹⁰ Малков В.П. Ответственность за побег из места заключения или из-под стражи // Правоведение. 1993. № 1. С. 101.

¹¹ См.: Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 380; Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 544; Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: Учеб. пособие. Хабаровск, 2001. С. 121.

¹² Bundesgerichtshof — высшая судебная инстанция ФРГ.

¹³ BGH St. 17, 369.

¹⁴ Елеонский В. Ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы // Советская юстиция. 1979. № 7. С. 9—10.

¹⁵ Аналогичное мнение высказано А.И. Друзиным. (См.: Друзин А.И. Указ. соч. С. 72).

¹⁶ См.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С. 413.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 1. С. 2—5.

¹⁸ См.: Архив Урюпинского районного суда Волгоградской области за 1995 г. Дело № 1-456.

¹⁹ См.: Архив Волгоградского областного суда за 1994 г. Дело № 2-86.

²⁰ Высказанное в литературе мнение, согласно которому ст. 313 УК «не предусматривает ответственность, осужденного к аресту» (Фатхутдинов А.И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ: Дис... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 153), представляется противоречащим закону.

²¹ Термин «арест» в УПК РФ не употребляется в качестве синонима понятия «заключение под стражу», в отличие от ранее действовавшего УПК РСФСР (п. 16 ст. 34).

²² См.: Друзин А.И. Указ. соч. С. 77.

²³ См.: Даль Владимир. Толковый словарь: В 4 т. Т. I. М., 1989. С. 335.

²⁴ См.: Таганцев Н.С. Обзор решений уголовного кассационного департамента по вопросам уголовного права за вторую половину 1871 г. и начало 1872 г. // Журнал гражданского и уголовного права / Изд. С.-Петербурга. юрид. о-ва. Год 3, 1873. Кн. 4, июль. С. 106.

²⁵ Российская газета. 1995. 20 июля.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Архив Ворошиловского районного суда г. Волгограда за 1997 г. Дело № 1-203.

²⁸ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1992. № 12. С. 9.

²⁹ См.: Шеслер А.В., Симохин А.В. Понятие побега из мест лишения свободы, совершенного по предварительному сговору группой лиц // Преступления против правосудия: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. Омск, 1996. С. 53.

³⁰ См.: Архив Ярославского областного суда за 1992 г. Дело № 2-22.

³¹ См.: Архив Волгоградского областного суда за 1988 г. Дело № 2-50.

³² См.: Архив Ярославского областного суда за 1990 г. Дело № 2-54.

³³ См.: Об условиях применения давности и амнистии к дящимся и продолжаемым преступлениям: Постановление № 1 Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. // Сб. постановлений Верховного Суда СССР, 1924—1986. М., 1987. С. 478.

³⁴ См., напр.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 96—97; Хан-Магомедов Д. Давность привлечения к уголовной ответственности // Советская милиция. 1961. № 7. С. 75; Зыков В. Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности за дящиеся преступления // Советская юстиция. 1968. № 10. С. 5—6; Ришелюк А.Н. Дящиеся и продолжаемые преступления в уголовном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев, 1992. С. 19; Егоров В.И. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания уголовных наказаний. Рязань, 1985. С. 23.

³⁵ Борисов Э.Т. Квалификация продолжаемых и дящихся преступлений, совершенных на территориях нескольких союзных республик // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989. С. 61.

³⁶ Так, Правительствующий сенат в своем решении № 28 от 26 сентября 1888 г. по делу Михаила Прутова, совершившего побег из Сибири с каторжных работ, признал, что побег ссыльнокаторжного не может быть отнесен к числу дящихся преступлений, на которые не распространяется сила постановлений о давности. (См.: Журнал гражданского и уголовного права. Год 20, 1890. Кн. 5, май. С. 55—56).

³⁷ Хладовский Е. По вопросу о том, принадлежит ли преступный и уголовно наказуемый побег к числу дящихся преступлений // Журнал гражданского и уголовного права. Год 20, 1890. Кн. 2. С. 25—28.

³⁸ Чернов В. Соучастие в делящихся и продолжаемых преступлениях // Советская юстиция. 1984. № 17. С. 9.

³⁹ Интересно, что в американском уголовном законодательстве содержатся самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за укрывательство лица, совершившего побег из заключения. Таков, например, § 1072 Свода законов Соединенных Штатов Америки. (См.: Уголовное право Соединенных Штатов Америки: Сб. нормативных актов. М., 1980. С. 46).

⁴⁰ См.: Архив Волгоградского областного суда за 1994 г. Дело № 2-86. Т. 2.

⁴¹ Кулешов Ю.И. Указ. соч. С. 125.

⁴² Задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством к числу субъектов побега из-под стражи относят и другие авторы. (См., напр.: Егоров В.И. Указ. соч. С. 54; Крахмальник Л.Г., Гравина А.А. Судебная практика об уклонении от отбывания наказания // Научный комментарий судебной практики за 1968 г. М., 1969. С. 181—182; Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4. Л., 1978. С. 379—380; и др.).

⁴³ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю.В. Северина. М., 1984. С. 386; Ефимов М., Калинин Ю. Ответственность за побег из места заключения или из-под стражи // Советская юстиция. 1974. № 16. С. 21. В некоторых работах субъект преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, определен еще более узко, как «лицо, достигшее 16 лет, осужденное к лишению свободы или аресту, или обываемый, в отношении которого избрано мера пресечения — содержание под стражей» (Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комисарова. М., 2002. С. 201).

⁴⁴ См.: Друзин А.И. Указ. соч. С. 87.

⁴⁵ См.: Архив Даниловского районного суда Ярославской области за 1991 г. Дело № 1-148.

⁴⁶ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972. С. 191.

⁴⁷ Там же. С. 531.

⁴⁸ Российская газета. 1995. 20 июля.

⁴⁹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

⁵⁰ Достаточно веский аргумент, который в 1993 г. приводился В.П. Малковым, вряд ли в настоящее время может быть принят во внимание. Автор ссылаясь на Положение о предварительном заключении под стражу, которое определяло лишь порядок содержания лиц, заключенных под стражу в порядке меры пресечения. (См.: Малков В.П. Указ. соч. С. 104). Однако данное Положение ныне, как известно, не действует.

⁵¹ Эта идея была высказана и в более ранней нашей работе. (См.: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические про-

блемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 198). В целом соглашаясь с этим, Ю.И. Кулешов предложил дополнить приведенное примечание указанием на осужденного, которому судом до вступления приговора в законную силу была применена мера пресечения — заключение под стражу. (См.: Кулешов Ю.И. Указ. соч. С. 126). Подобное дополнение, думается, излишне, поскольку термин «обвиняемый» в силу прямого указания уголовно-процессуального законодательства (ч. 2 ст. 47 УПК РФ) охватывает осужденного, в отношении которого вынесен обвинительный приговор.

⁵² Болдырев Е.В., Крахмальник Л.Г. Совершенствовать законодательство об ответственности за преступления, специальный субъект которых — заключенный // Ученые записки ВНИИ СЗ. Вып. 17. М., 1969. С. 88.

⁵³ Не совсем верно, думается, подошел к данному вопросу А.И. Друзин, предлагающий законодательно разграничить ответственность за побег из исправительного учреждения и из-под стражи. (См.: Друзин А.И. Указ. соч. С. 89). Побег из-под стражи, как выяснено выше, может быть осуществлен и лицом, отбывающим наказание (например, при его этапировании в место лишения свободы). Такого рода побег вряд ли отличается по уровню общественной опасности от побега, совершенного тем же субъектом непосредственно из исправительного учреждения.

⁵⁴ Цит. по: Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 106—107.

⁵⁵ Хладовский Е. Указ. соч. С. 28.

⁵⁶ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1964—1972. М., 1974. С. 388—389.

⁵⁷ См.: Там же. С. 24—25.

⁵⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 6. С. 6.

⁵⁹ Российское уголовное право. Особенная часть... С. 414. В. Голубев также пишет, что когда в качестве квалифицирующего признака выделяется группа как особая форма соучастия, то ответственность за непосредственное совершение преступления несут как лица, прямо названные в статье Особенной части УК, так и другие лица, не имеющие специальных признаков. (См.: Голубев В. Специальный субъект преступления // Советская юстиция. 1984. № 12. С. 8).

⁶⁰ См.: Шеслер А.В., Самохин А.В. Указ. соч. С. 53.

⁶¹ См.: Кулешов Ю.И. Указ. соч. С. 127.

⁶² Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями: Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 70.

⁶³ Там же. С. 69. О двусторонней субъективной связи между соучастниками при групповом преступлении пишут и другие ученые. (См., напр.: Кругликов Л.Л., Савинов В.Н. Квалифицирующие обстоятель-

ства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений: Учеб. пособие. Ярославль, 1989. С. 46).

⁶⁴ См.: Друзин А.И. Указ. соч. С. 93.

⁶⁵ См.: Архив Волгоградского областного суда за 1997 г. Дело № 2-18.

⁶⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; Российская газета. 2003. 16 дек.

⁶⁷ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

⁶⁸ Чучаев А.И. Преступления против правосудия: научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 70.

⁶⁹ Мазур О.В. Соотношение квалифицирующих признаков ч. 2 ст. 188 УК РСФСР со смежными составами преступлений // Преступления против правосудия... С. 59.

⁷⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 6.

⁷¹ Там же.

⁷² Корма В. Что считать предметом, используемым в качестве оружия // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 52.

⁷³ См., напр.: Чучаев А.И. Указ. соч. С. 71.

⁷⁴ Ворошилин Е.В., Здравомыслов Б.В., Кладков А.В. Новое уголовное законодательство. Особенная часть. М., 1985. С. 81.

⁷⁵ Сауляк В.К. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 183 УК УССР). Киев, 1980. С. 12.

⁷⁶ Данные, приведенные А.С. Михлиным и Л.В. Яковлевой, на наш взгляд, показывают, что выезд из мест лишения свободы пока исключительное явление. Так, правом на выезд из учреждений на время отпуска воспользовалось только 1,4 % осужденных. Только 13 % осужденных из числа тех, у кого возникли исключительные личные обстоятельства, получили разрешение на краткосрочный выезд. (См.: Михлин А.С., Яковлева Л.В. О некоторых итогах специальной переписи осужденных 1999 г. // Государство и право. 2002. №3. С. 39—47).

⁷⁷ О различных аспектах общественной опасности рассматриваемого преступления см. также: Друзин А.И. Указ. соч. С.99-100; Тепляшин П.В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 10—11.

⁷⁸ Так, Ю.И. Кулешов выделяет две различные формы бездействия при уклонении от отбывания лишения свободы: 1) невозвращение осужденного в исправительное учреждение, где отбывалось лишение свободы, после истечения срока, на который был разрешен выезд; 2) невозвращение осужденного, которому отсрочено отбывание наказания в виде лишения свободы по истечении срока отсрочки. (См.: Кулешов Ю.И. Указ. соч. С. 129). Аналогичное мнение высказано В.В. Смышляевым. (См.: Смышляев В.В. Проблемы уголов-

но-правового механизма реализации лишения свободы: Дис... канд. юрид. наук. Ульяновск, 1999. С.149).

⁷⁹ Например, А.И. Друзин пишет о трех относительно самостоятельных деяниях: а) уклонение от отбывания наказания лица, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы; б) уклонение от отбывания наказания лица, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора; в) уклонение от отбывания наказания лица, которому предоставлена отсрочка отбывания наказания. (См.: Друзин А.И. Указ. соч. С. 99).

⁸⁰ По данным Центра общественных связей Минюста России, на 1 июля 2003 г. в 11 домах ребенка в женских колониях находилось 520 детей. (См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы России // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 4).

⁸¹ См., напр.: Елеонский В. Указ. соч. С. 10.

⁸² Тилле А.А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. №3. С. 36.

⁸³ Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве. Ярославль, 2000. С. 126.

⁸⁴ Кулешов Ю.И. Указ. соч. С. 129.

⁸⁵ См.: Архив Урюпинского районного суда Волгоградской области за 1997 г. Дело № 1-174.

⁸⁶ Поскольку вопросы, связанные с исполнением приговора, судья разрешает в судебном заседании единолично (ч. 5 ст. 396 УПК РФ), постольку в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ данное решение имеет форму постановления.

⁸⁷ Подробно о проблемах регламентации в законе оснований отмены отсрочки отбывания наказания см.: Тюшнякова О.В. Отсрочка отбывания наказания женщинам как мера уголовно-правового воздействия. Тольятти, 2002. С. 139—153.

⁸⁸ Это обстоятельство, думается, упускает из виду Г.А. Стеничкин, который для охвата всего субъектного состава, к которому применима анализируемая статья, предлагает изложить ее в следующей редакции: «Невозвращение лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы, либо лица, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отсрочка отбывания наказания, по истечении срока выезда или отсрочки» (Стеничкин Г.А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, как уголовно-правовая мера, не связанная с изоляцией от общества: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12).

⁸⁹ Мы несколько уточнили занимаемую нами позицию. Ранее мы утверждали, что таким способом следует считать злостное уклонение от явки в суд (см.: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: про-

блемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Дис... д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 207). Заметим также, что некоторые ученые еще более широким по содержанию термином обозначают этот способ — «уклонение от явки в суд». Например, за неявку в суд лица, осужденного к лишению свободы, для рассмотрения вопроса об отмене отсрочки предлагали установить уголовную ответственность В.И. Белослудцев и Е.Н. Иванова. (См.: Белослудцев В.И., Иванова Е.Н. Проблемы совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за уклонение от отбывания наказания в исправительных учреждениях // Актуальные проблемы уголовного законодательства Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (29—30 мая 1998 г.). Краснодар, 1998. С. 356—357).

В качестве основания уголовной ответственности предлагает законодательно закрепить неявку лица, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания, в соответствующий орган или учреждение С.Ф. Милюков. (См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт криминологического анализа. СПб., 2000. С. 270).

Однако далеко не всякое уклонение от явки в суд или другие компетентные органы, совершенное осужденной, которой отбывание наказания было отсрочено, при возникновении оснований для отмены отсрочки, требует применения уголовно-правовых средств. В большинстве случаев необходимая явка может быть обеспечена с помощью процессуальных мер. А вот если осужденная скрылась, деяние достигает необходимого для преступления уровня общественной опасности.

⁹⁰ См., напр.: Елеонский В. Указ. соч. С. 10; Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999. С. 728; Друзин А.И. Указ. соч. С. 111; Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. С. 204; и др.

Не противоречит этому мнению утверждение П.В. Тепляшина, что «состав уклонения от отбывания лишения свободы будет иметь место и в случае, когда осужденное лицо преднамеренно прибывает позже назначенного срока без уважительных причин в исправительное учреждение». (См.: Тепляшин П.В. Указ. соч. С. 15).

⁹¹ См., напр.: Рашковская Ш., Воробьева Т. Ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы // Социалистическая законность. 1978. № 6. С. 51—52.

⁹² См., напр.: Чучаев А.И. Указ. соч. С. 72; Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. С. 728; и др.

⁹³ См.: Коломеец В. Явка с повинной: новая трактовка // Российская юстиция. 1997. № 10. С. 36.

⁹⁴ См.: Друзин А.И. Указ. соч. С. 98.

⁹⁵ Друзин А.И. Указ. соч. С. 114—115.

⁹⁶ См.: Рашковская Ш., Воробьева Т. Указ. соч. С. 52.

⁹⁷ Там же. С. 51.

⁹⁸ Следует отметить, что отношение к институту замены одного вида наказания другим, более суровым, в юридической литературе неоднозначное. В частности, были замечены различные недостатки законодательной регламентации данного института. (См., напр.: Ткачевский Ю. О замене исправительных работ лишением свободы // Советское государство и право. 1982. № 2. С. 64; Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985. С. 64—66; Кругликов Л.Л. Проблемы замены наказания более суровым не по приговору суда с позиции международно-правовых стандартов // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. Ч. 1. Н. Новгород, 1996. С. 160; Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России. Тольятти, 2003. С. 83—97; и др.).

С учетом темы настоящей работы представляется необходимым обратить внимание на позицию тех ученых, которые высказывались за необходимость конструирования в Особенной части УК самостоятельных составов уклонения от отбывания (исполнения) наказаний, не связанных с лишением свободы. Так, С.И. Зельдов обращал внимание на достаточно высокую общественную опасность уклонения от отбывания любого назначенного наказания, «поскольку оценка характера опасности проявления неуважительного отношения к суду не зависит от вида и размера наказания, назначенного за ранее совершенное преступление; лишь степень общественной опасности личности осужденного может и, как правило, является различной» (Зельдов С.И. Об ответственности за злостное уклонение от отбывания назначенного наказания // Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства. Ярославль, 1988. С. 127—128). Автор при этом имел в виду лишь наказания, которые не могут быть осуществлены помимо воли осужденного. (См.: Там же). Законодатель, однако, данное предложение не воспринял. Зато Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. внесены изменения в соответствующие статьи Общей части. Многие из задаваемых учеными вопросов, тем не менее, остались по-прежнему без ответа.

⁹⁹ См.: Новое в уголовном законодательстве Российской Федерации / Сост. Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2004. С. 16.

¹⁰⁰ См.: Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М., 1999. С. 326.

¹⁰¹ Российская юридическая энциклопедия / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 1999. С. 471.

¹⁰² Согласно п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, имущество, полученное в результате преступных действий либо нажитое преступным путем, может также передаваться его законному владельцу.

¹⁰³ Согласно п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, могут быть также переданы в соответствующее учреждение или уничтожены.

¹⁰⁴ Вопрос о специальной конфискации решался в рамках вопроса о вещественных доказательствах также и в соответствии с УПК РСФСР 1960 года. Высшие судебные инстанции при этом обращали внимание судов на то, что конфискацию имущества в качестве дополнительного наказания следует отличать от конфискации предметов, признанных вещественными доказательствами.

Из этого исходил, например, Президиум Верховного Суда РФ, отменяя судебные решения в части определения судьбы вещественных доказательств с передачей уголовного дела по обвинению Петренко в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 188 УК РФ, на новое судебное рассмотрение. Президиум счел неправильным то, что суд, признав Петренко виновным в покушении на контрабанду и тем самым указав, что доллары США являлись предметом преступления, постановил возвратить эти доллары по принадлежности Петренко, тогда как в соответствии с п. 1 ст. 86 УПК РСФСР он должен был обратить их в доход государства. (См.: Законность. 1999. № 8. С. 59).

¹⁰⁵ См., напр.: Ворошилин Е.В., Здравомыслов Б.В., Кладков А.В. Новое советское уголовное законодательство. Особенная часть. М., 1985. С. 42. Обоснованная критика данной позиции дана А.И. Друзиным. (См.: Друзин А.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации судебного акта: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 18—19).

¹⁰⁶ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий. Ярославль, 1994. С. 503.

¹⁰⁷ Такое было вполне возможно применительно к конфискации имущества как дополнительному наказанию. Так, в ч. 1 ранее действовавшей ст. 64 УИК РФ значилось: «Судебный исполнитель немедленно по получении исполнительного документа, копии описи имущества и копии приговора суда проверяет наличие имущества, указанного в описи, выявляет другое имущество, подлежащее конфискации, и включает его в опись. Если опись имущества не производилась, судебный исполнитель принимает меры по выявлению имущества осужденного, подлежащего конфискации по приговору суда, и при его обнаружении составляет в соответствии с законодательством Российской Федерации опись этого имущества». Назначая конфискацию имущества при наличии в материалах дела акта органа предварительного расследования об отсутствии имущества, суды исходили из указаний Пленума Верховного Суда СССР о том, что «необнаружение имущества к мо-

менту постановления приговора само по себе не является препятствием для назначения этого дополнительного наказания, поскольку имущество, подлежащее конфискации, может быть выявлено и при исполнении приговора». [Абз. 2 п. 3 Постановления № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 г. «О судебной практике по применению конфискации имущества» в ред. постановления № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 29 августа 1980 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1986. М., 1987. С. 482]. Такая позиция практики одобрялась и учеными. (См., напр.: Бойков А.И., Бойков В.Г. Типичные ошибки судов в применении наказания без изоляции от общества // Вопросы совершенствования правоприменительной деятельности в борьбе с преступностью. Орджоникидзе, 1983. С. 53—56). Однако некоторые авторы высказали отрицательное отношение к подобной практике (См., напр.: Дуюнов В.К., Цветинович А.Л. Дополнительные наказания: теория и практика. Фрунзе, 1986. С. 96—97; Маргоулова И.Л. Вопросы применения конфискации имущества // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1978. Вып. 13. С. 204—205. (Тр. ВНИИ СЗ]).

¹⁰⁸ Статья 7 Федерального закона Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4847.

¹⁰⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1999. С. 781.

¹¹⁰ Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постановочными материалами и судебной практикой / Под ред. С.И. Никулина. М., 2002. С. 987.

¹¹¹ Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2001. С. 209.

¹¹² См.: Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1980. С. 210—211.

¹¹³ Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 года максимум наказания за некавалифицированное присвоение или растрату снижен с трех до двух лет лишения свободы. (См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848).

¹¹⁴ См., напр.: Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1998. С. 651.

¹¹⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. С. 716.

¹¹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. М., 1999. С. 773.

¹¹⁷ См., напр.: Гуев А.Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (для предпринимателей). М., 2000. С. 457.

¹¹⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 859.

¹¹⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4847.

¹²⁰ См.: Козаченко И.Я., Николаева З.А. Проблема соотношения общего и специального составов должностных преступлений // Правоведение. 1992. № 3. С. 40—48.

Вопросы для самоконтроля

1. В каких целях сконструирована статья 313 УК РФ?
2. В чем заключается общественная опасность побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи?
3. Из каких отношений складывается объект, охраняемый ст. 313 УК РФ?
4. Каковы основные формы совершения побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи?
5. Как следует трактовать понятие «место лишения свободы» применительно к ст. 313 УК РФ?
6. Что понимается в данной статье под местом отбывания ареста?
7. Что из себя представляет нахождение под стражей в контексте ст. 313 УК РФ?
8. Что следует считать моментом юридического окончания побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи?
9. Можно ли данное преступление рассматривать в качестве длящегося?
10. Как должны оцениваться действия лиц, оказывающих помощь беглецам в сокрытии от правоохранительных органов?
11. Какие категории субъектов преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, выделяет законодатель?
12. Можно ли считать субъектом данного преступления лицо, задержанное в соответствии с уголовно-процессуальным законом?
13. Какова форма и содержание вины в составе преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ?
14. Является ли цель обязательным признаком субъективной стороны данного посягательства?
15. Какие квалифицированные виды имеет состав побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи?

16. Может ли нести ответственность за групповой побег лицо, не обладающее признаками, указанными в ч. 1 ст. 313 УК РФ?
17. Каковы особенности момента окончания побега, совершенного по предварительному сговору группой лиц?
18. Каково содержание квалифицирующего признака «побег, совершенный с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо угрозой применения насилия»? С какой целью и к кому применяется насилие в этом случае?
19. Охватывается ли соответствующим особо квалифицирующим составом реальное причинение вреда здоровью или жизни? Требуется ли дополнительная квалификация в той ситуации, когда побег сопряжен с захватом заложников?
20. Что понимается под оружием и предметами, используемыми в качестве оружия в ч. 3 ст. 313 УК РФ? Какой смысл вкладывает законодатель в термин «применение» в этой статье?
21. Как можно определить основной объект преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ? Можно ли считать таковым нормальную деятельность органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы?
22. В какой форме может быть совершено деяние, предусмотренное названной статьей?
23. Какие еще признаки следует отнести к признакам объективной стороны состава уклонения от отбывания лишения свободы?
24. Имеет ли значение для признания деяния преступным факт предупреждения осужденного администрацией об ответственности за невозвращение его в исправительное учреждение в установленный срок?
25. Всякое ли невыполнение обязанности осужденного вернуться по окончании срока выезда в исправительное учреждение должно расцениваться как преступное деяние?
26. Каким по конструкции является состав уклонения от отбывания лишения свободы? С какого момента следует считать оконченным данное преступление?
27. Кто может нести ответственность по ст. 314 УК РФ?
28. Какие признаки можно отнести к числу признаков, характеризующих субъективную сторону уклонения от отбывания лишения свободы?

29. Каковы критерии отграничения уклонения от отбывания лишения свободы от преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ?
30. Как повлияла на содержание ч. 2 ст. 312 УК РФ утрата силы ст. 52 Кодекса?
31. Какие общественные отношения призвана теперь охранять ч. 2 ст. 312 УК РФ? Что служит предметом предусмотренного последней преступления?
32. В каком соотношении имущество, подлежащее конфискации, находится с имуществом, подвергнутому описи или аресту?
33. Какие деяния образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ?
34. Что следует понимать под сокрытием и растратой подлежащего конфискации имущества?
35. Что из себя представляет иное уклонение от исполнения приговора суда о назначении конфискации имущества?
36. Кто является субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ? Может ли нести ответственность по данной статье судебный пристав-исполнитель?
37. Какова форма вины в данном составе преступления?
38. По каким критериям можно провести разграничение преступлений, предусмотренных разными частями ст. 312 УК РФ?

Для заметок

Учебное издание

ЛЮБАНОВА ЛЮБОВЬ ВАЛЕНТИНОВНА

**ПРЕСТУПНЫЕ НАРУШЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА**

Учебное пособие

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *О.С. Кашук*
Технический редактор *А.В. Лепилкина*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 15.03 2004 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 4,3.
Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 60.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.